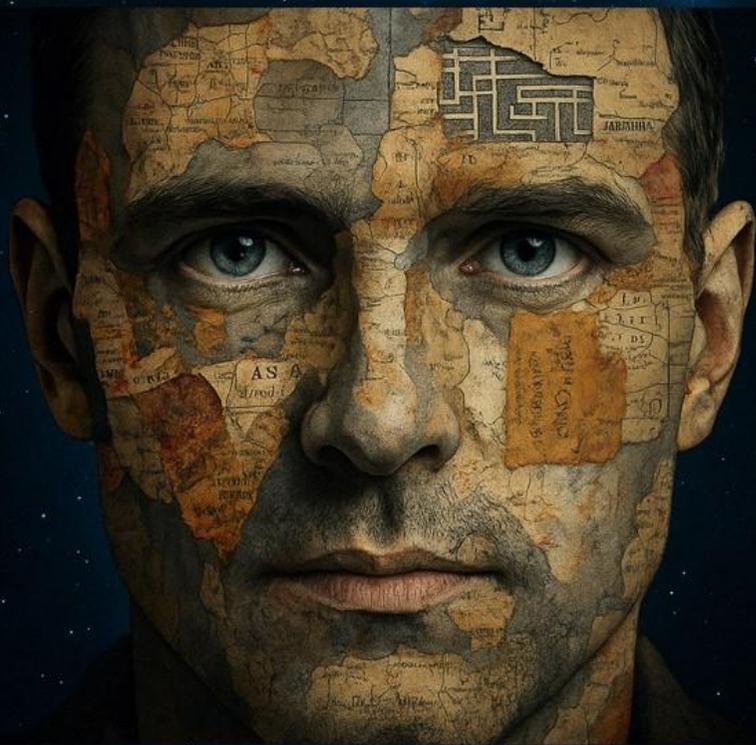

**ОТКУДА МЫ ЗНАЕМ,
ЧТО МЫ ЧТО-ТО ЗНАЕМ?**

БОРИС КРИГЕР

БОРИС КРИГЕР

ОТКУДА
МЫ ЗНАЕМ,
ЧТО МЫ ЧТО-ТО
ЗНАЕМ?

© 2025 Boris Kriger

All rights reserved. No part of this publication may be reproduced or transmitted in any form or by any means electronic or mechanical, including photocopy, recording, or any information storage and retrieval system, without permission in writing from both the copyright owner and the publisher.

Requests for permission to make copies of any part of this work should be e-mailed to krigerbruce@gmail.com

Published in Canada by Altaspera Publishing & Literary Agency Inc.

Откуда мы знаем, что мы что-то знаем ?

Эта книга предлагает радикальный пересмотр самого понятия знания, ставя под вопрос его устойчивость, необходимость и философскую состоятельность. Отталкиваясь от критики классической эпистемологии, автор показывает, что традиционное представление о знании как накоплении, обладании или передаче истинных утверждений не выдерживает ни логического анализа, ни сопоставления с современными научными открытиями в области квантовой физики, теории информации, топологии и когнитивных наук. Книга демонстрирует, что акт познания — это не обладание, а участие; не отражение заранее данных фактов, а совместное развертывание различий в поле отношений между познающим и познаваемым.

Исследуя языковые корни слова «знать» в различных культурах — от еврейского *yada*, китайского *zhī dào* до латинского *scientia* — автор показывает, что идея знания как собственности является культурно обусловленным выбором, а не универсальной истиной. Вместо термина «знание» предлагается обращаться к более точным и продуктивным понятиям: различие, участие, настройка, структурная согласованность. Это открывает возможность для построения новой, реляционной эпистемологии, в которой процесс различения понимается как совместное событие, происходящее не между изолированными субъектом и объектом, а в их соразмерном взаимодействии.

Книга обращается не только к философии, но и к науке, этике, когнитивистике и педагогике, предлагая размышлять о том, как могут быть перестроены наши представления о познании, истине, обучении и научном методе. Вместо окончательных определений автор предлагает пространство для дальнейшего исследования, в котором отказ от догмы знания открывает путь к более внимательному и ответственному участию в становлении мира.

Откуда мы знаем, что мы что-то знаем?

Понятие знания ускользает от однозначной трактовки, раскрываясь сквозь многослойную структуру человеческого восприятия и мышления. Под этим словом обычно подразумевается обладание информацией, признанной истинной и подкреплённой основанием, однако в реальности оно охватывает не только логическое обоснование, но и глубинное понимание, рождающееся из личного опыта, наблюдений, интуитивного прозрения. Человек утверждает, что знает, когда уверенность в определённом факте или суждении уже не требует дополнительных подтверждений, будучи закреплённой в сознании настолько прочно, что сомнение кажется излишним.

Осмысливая значение этого процесса, можно заметить, как знание формируется не в момент получения информации, а спустя время, когда услышанное, прочитанное или увиденное проходит через призму внутренней обработки. Запоминая, анализируя, сопоставляя и преобразуя, разум извлекает из хаоса впечатлений нечто устойчивое, способное лечь в основу последующих выводов и решений. При этом знание перестаёт быть простым накоплением фактов, превращаясь в структуру, где каждое новое осознание обретает смысл только в контексте уже усвоенного. Подобное преобразование требует не только усилий, но и внутренней готовности принять определённый порядок, согласившись с тем, что знание — это не просто обладание, а постоянное движение, в котором всякая истина может быть пересмотрена.

Продолжая размышление, важно отметить, что знание предполагает не только уверенность, но и ответственность за эту уверенность. Приняв нечто за истину, человек вступает в область, где каждый следующий шаг будет опираться на принятое допущение. Ошибка, допущенная в основе, может незаметно исказить всё последующее построение, поэтому проверка и сомнение становятся не врагами знания, а его неотъемлемыми спутниками. В этом постоянном балансе между уверенностью и критичностью формируется зрелость понимания, в которой знание перестаёт быть окончательным ответом и превращается в основу для новых вопросов.

Одна из самых удивительных особенностей знания — обладание им не только не исключает возможность его разделения, но и, напротив, укрепляет и расширяет его, приумножая без всякой утраты. Если представить себе, что обычные формы собственности ограничивают доступ к объекту другими, то знание лишено этой жесткой границы. Поделившись им, нельзя обеднеть, как не исчезает пламя свечи, зажжённой множеством других огней. Наоборот, каждый, кто получает частицу понимания, способен не только сохранить её, но и преобразовать, добавить собственный смысл, открыть новые грани того, что уже казалось понятным.

Такое парадоксальное обладание — не замкнутое, а открытое — позволяет знанию существовать вне привычных законов количественного исчерпания. Оно растёт, переплетаясь с чужим опытом, дополняется ассоциациями, обретает форму в языке, закрепляется в

памяти, а иногда исчезает с поверхности сознания, чтобы всплыть вновь, уже в ином свете. Именно поэтому знание не нуждается в границах — оно существует там, где продолжается мысль, где сохраняется стремление понять, где не угасает способность задаваться вопросами. И хотя его нельзя потрогать или измерить, оно ощущается столь же реально, как воздух, наполняющий лёгкие.

Нельзя забывать и о том, что в основе такого обладания лежит не только сам факт получения информации, но и намерение понять, проникнуть в суть, ощутить внутреннюю связь между фрагментами окружающего мира. Передавая знание, человек не просто делится тем, что у него есть, но втягивает другого в пространство смысла, позволяя расширить картину действительности. Это созидание без потерь, передача без уменьшения, и, быть может, именно это делает знание одним из самых чистых форм существования разума — тем, что можно отдавать бесконечно, не утратив ничего, кроме прежнего незнания.

Невозможно свести знание лишь к одной из форм — оно одновременно и отражает, и поглощает, и сохраняет, будучи явлением, в котором переплетаются разные уровни восприятия и обработки действительности. В качестве отражения знание предстает как отклик разума на внешний мир, как зеркало, в котором события, образы, понятия находят своё отображение, принимая упорядоченную форму в сознании. Это отражение не механично и не безлично — оно всегда окрашено опытом, культурой, внутренним строем наблюдателя.

Оттого и одно и то же явление может быть воспринято и понято по-разному, преломляясь через множество индивидуальных оптик.

Однако, называя знание отражением, невозможно обойти стороной его способность к поглощению. Человек, воспринимая новую информацию, не просто регистрирует её на поверхности памяти, но впитывает, словно губка, позволяя ей проникнуть вглубь, смешаться с уже существующими представлениями, вызвать внутренние изменения. Это не пассивный процесс — напротив, знание требует усилий, воли, внимания. Оно осваивается и переживается, вступая в диалог с тем, что уже известно, а порой — вступая в конфликт, разрушая устоявшееся и предлагая взамен новое основание.

С другой стороны, знание невозможно мыслить без акта хранения. Всё, что познано, нуждается в сохранении, иначе не может быть использовано. Здесь проявляется третий аспект — способность удерживать в себе суть увиденного, услышанного, прочувствованного, не позволяя ей исчезнуть в потоке времени. Это хранение не статично — оно живое, оно нуждается в регулярном возвращении, в повторной активации, в применении. Без обращения к знанию оно тускнеет, утрачивает чёткость, исчезает, как неиспользуемая тропа в лесу, затянутая травами забвения.

Так знание превращается в форму внутреннего движения, не замирая в одной ипостаси. Оно пульсирует между отражением и впитыванием, между сохранением

и переосмыслением, не становясь ни чем-то полностью внешним, ни сугубо внутренним. В этом сложном балансе оно существует как дыхание — текучее, невидимое, но определяющее само бытие разума.

Значительно более тонким и многослойным оказывается вопрос не о самом знании, а о сознании его наличия — когда возникает убежденность в том, что нечто действительно известно. Этот переход от простого содержания информации к осознанию её существования в собственном уме формирует совершенно особый уровень мышления. Уже не достаточно просто помнить или повторять — требуется чувствовать устойчивость и достоверность, отличать знание от случайной догадки, иллюзии или ложного убеждения. Именно это внутреннее различие, возникающее без внешнего доказательства, формирует опыт «знания того, что знаешь».

Когда разум утверждает: это мне известно, — он, по сути, признаёт присутствие связи между опытом, памятью и уверенным осознанием. Такое утверждение редко бывает поверхностным — оно зреет в тишине размышлений, опираясь на множество незаметных слоёв: когда-то услышанное, прочитанное, увиденное, прочувствованное. Каждый из этих следов накладывается один на другой, создавая ощущение непреложности. В этом и кроется загадка: человек не только хранит знание, но способен к метазнанию, то есть к осмыслению самого факта обладания знанием. Эта способность выносить внутреннее содержание на уровень наблюдения придаёт мышлению гибкость,

позволяя одновременно действовать и рефлексировать, принимать решения и сомневаться в их основе.

Не менее интересно и то состояние, в котором становится очевидным: чего-то не хватает, какое-то звено ускользает, отсутствует часть мозаики, без которой картина остаётся неполной. Такое признание незнания — вовсе не слабость и не поражение, но напротив, выражение зрелости. Осознать, что нечто находится за пределами текущего понимания, значит уже наметить вектор развития. Здесь рождается парадокс: даже незнание может быть осмысленным, упорядоченным, включённым в систему. Знание о том, что чего-то не знаешь, становится началом поиска, движущей силой стремления к пониманию, пробуждением интеллектуального голода.

Оба состояния — и знание о знании, и знание о незнании — связаны с глубинным актом различения. Они требуют от ума способности не просто фиксировать содержание, но и оценивать его границы. Без этой функции не возник бы прогресс мысли, ведь тогда любое убеждение принималось бы за окончательную истину. Только распознавая, что именно известно, а что лишь кажется таковым, мышление остаётся живым, развивающимся, готовым к уточнению, исправлению, дополнению. Отсюда и рождается подлинная устойчивость знания — не в его завершённости, а в постоянной готовности быть пересмотренным, если для этого найдётся весомая причина.

В пересечении уверенности и заблуждения, между ощущением знания и его фактическим отсутствием, открывается одна из самых тонких и трудных для постижения граней мышления. Когда человек убеждён в том, что он нечто знает, но при этом ошибается, возникает иллюзия знания — форма когнитивного миража, в которой содержание мысли кажется ясным и обоснованным, но при ближайшем рассмотрении оказывается пустым или ложным. Это знание без основания, вера без достоверности, воспоминание, выстроенное на неточных деталях, ассоциациях или прежнем опыте, утратившем актуальность. Такая ошибка может оставаться незамеченной годами, если ничто извне не поставит под сомнение её истинность.

Мозг способен упорядочить ложное с той же лёгкостью, с какой он сохраняет подлинное. Сознание, движущееся привычным путём, принимает ошибочное суждение за точное, потому что ему хватает внутренней логики или привычности. Эта уверенность придаёт знанию кажущуюся достоверность, но отсутствие проверки, сомнений, пересмотра делает его хрупким. И только столкновение с внешним несоответствием, только вопрос, обнажающий трещину, приводит к прозрению — к осознанию, что знание было лишь представлением о знании.

На противоположной стороне этого явления лежит скрытое, неузнанное знание — когда нечто уже присутствует в уме, но остаётся нераспознанным. Можно носить в себе ответ, не зная, что он уже есть. Такая ситуация часто возникает в тех случаях, когда

информация была воспринята, но не осознана как значимая. В памяти она присутствует, но словно спрятана за ширмой, и разум считает её отсутствующей. В нужный момент, при соответствующем сигнале или ассоциации, знание неожиданно проступает, словно всплывает на поверхность — и тогда становится ясно: оно было всё это время, просто не осознавалось как доступное.

Особенно выразительно это проявляется в интуитивных догадках, в решениях, которые кажутся спонтанными, но опираются на множество незамеченных звеньев прошлого опыта. Человек может быть уверен, что чего-то не знает, и вдруг обнаружить, что ответ рождается как бы сам собой. Это и есть парадоксальный момент — знание, спрятанное под уровнем сознания, дожидается своего часа.

Между этими крайностями — ложной уверенностью и скрытым знанием — пролегает подвижная граница, которую нельзя установить раз и навсегда. В любой момент одно может перейти в другое, открывая новую глубину в том, как работает человеческий разум. Ошибка может обернуться открытием, а недоумение — вспышкой понимания. Вся структура мышления, будучи живой и изменчивой, допускает, что знание не всегда соотносится с убеждённостью, и не всякая уверенность равна истине.

Высказывание, приписываемое Сократу — «я знаю, что ничего не знаю» — на первый взгляд, кажется парадоксом, замкнутым в самом себе, но при более глубоком рассмотрении оно раскрывается как форма особого интеллектуального состояния, в котором знание не отрицается полностью, а трансформируется в постоянную готовность к сомнению и исследованию. В этом утверждении вовсе не содержится абсолютное отрицание всякого понимания, а скорее обозначается предельная форма осознания границ собственного познания. Знание здесь обращено не на предметы внешнего мира, а на сам процесс мышления и его ограничения.

Когда говорится: «я знаю, что ничего не знаю», подразумевается не полная пустота, а отказ от самодовольной уверенности, характерной для тех, кто считает, что обладает исчерпывающим знанием. В этом знании о незнании — своего рода отрицательная определённость. Сократ не утверждает, что у него отсутствует всякая информация, он утверждает, что всё, что он знает, не даёт ему основания считать себя мудрым в том смысле, как этого желают другие. Он отказывается от фиктивного обладания истиной, заменяя его внутренней честностью перед самим собой и перед действительностью.

Если попытаться переформулировать его мысль в более развернутой форме, то она может звучать как: «всё, что я знаю с уверенностью, это то, что любое знание, которое я полагаю знанием, подлежит сомнению, и потому я не могу считать себя знающим в окончательном смысле».

Здесь речь идёт о знании второго порядка — не о фактах, а об отношении к ним. Это уже не знание о мире, а знание о знании, и его природа значительно тоньше, чем просто набор утверждений.

Попытка выйти из этого круга, заявив: «я знаю, что ничего не знаю, кроме того, что знаю, что ничего не знаю», лишь делает замкнутость мысли ещё более заметной. Каждое добавление «знаю, что знаю» создаёт бесконечную лестницу рефлексии, где каждое следующее утверждение требует подтверждения предыдущего. Но именно это и подчёркивает глубину сократического подхода: знание, по-настоящему осмысленное, не терпит завершения, оно не выносит точек, оно стремится продолжаться, раскрываться, уточняться. Он не впадает в догматизм, но и не пребывает в абсолютной неопределённости — он стоит на границе между знанием и незнанием, выбирая путь постоянного выяснения, уточнения, сомнения.

Такое мышление отказывается от стремления к окончательным ответам, предпочитая движение вопроса. И в этом — не бессилие, но форма высшей интеллектуальной силы, способной признать зыбкость всякого утверждения и всё же не отказаться от поиска.

Утверждение «я не знаю, что я знаю» открывает не менее глубокий пласт размышлений, чем сократовская формула, но движется в противоположном направлении — не от иллюзии знания к осознанию незнания, а от скрытого, неоформленного знания к осознанию его

скрытой наличности. Это утверждение указывает на сложность самой природы познания, в которой далеко не всё, чем разум обладает, находится в поле сознания. Оказывается, можно быть носителем знаний, не осознавая их как таковых, можно действовать, говорить, понимать, не имея ясного представления о том, откуда и как эти знания возникают. Такое состояние чаще всего встречается в форме интуиции, автоматизма, опыта, осевшего в теле, в речи, в манере реагировать.

Когда говорится: «я не знаю, что я знаю», раскрывается ситуация, в которой знание не прошло через этап вербализации или осмысления. Оно существует как некая потенциальная структура, способная в определённый момент проявиться, стать явной, выйти на поверхность. Именно таким образом часто всплывают решения, озарения, догадки — они кажутся неожиданными, но в действительности опираются на уже накопленный материал, просто не подвергшийся ранее оформленной рефлексии. Эта форма знания ускользает от логики, живёт вне категорий, но её наличие ощущается, как напряжённая готовность, как дремлющая уверенность, не подкреплённая словами.

Можно представить, что в каждом человеке существует множество пластов знания, не оформленного в понятия. Часть из них — результат бессознательного восприятия мира, часть — итог повторяющихся действий, часть — фрагменты услышанного, увиденного, некогда прочитанного и забытого. Всё это остаётся в уме, но не получает статуса «известного», пока не будет вызвано к жизни через вопрос, ассоциацию или случайное

соприкосновение. Только тогда человек может сказать: «я знал это», хотя мгновение назад не осознавал своего обладания.

В этом проявляется ещё одна важная черта мышления — его способность распознавать собственные тени. Знание не всегда сопровождается самосознанием, и ум далеко не всегда знает, чем он владеет. Такой разрыв между содержанием и его осознанием создаёт возможность роста, ведь в этом зазоре рождаются открытия — не снаружи, а внутри. Они не приходят, они вспоминаются, как будто уже были где-то, когда-то, но только теперь обрели чёткие очертания. Не знать, что знаешь — значит, быть ещё не до конца оформленным, всё ещё находиться в процессе становления, в состоянии, когда ум сам исследует свои пределы, нащупывая собственную глубину.

Это состояние особенно важно для искусства, творчества, интуитивного понимания. Оно позволяет действовать, не замедляя движения раздумьями, создавать, не объясняя, почему именно так. А позже, оборачиваясь, можно обнаружить: это знание было всегда, просто в иной, пока неразгаданной форме.

Если взглядеться в самую природу незнания, становится очевидно, что оно не является абсолютной пустотой, не представляет собой полное отсутствие, а скорее обнаруживает внутреннюю структуру, в которой уже

заклѹчѣн определѣнный уровень осведомлѣнности. Само по себе состояние незнания невозможно без предварительного различения: что-то ускользает, что-то недоступно, чего-то не хватает. И в этом признании пробела уже содержится знание — пусть не о самом предмете, но о границе, за которой он лежит. Так незнание превращается не в бессознательное неведение, а в осмысленное незнание, имеющее форму и направление.

Подобная мысль не сводится к логической игре — она затрагивает глубинное устройство мышления, в котором незнание не противоположно знанию, а служит его контуром, его фоном, без которого знание не могло бы быть узнано как знание. Ведь невозможно стремиться к пониманию, не почувствовав предварительно, что понимания не достаѣт. И если это чувство нехватки уже появилось, значит, разуму уже доступен некий ориентир, некий намѣк на то, чего именно ему не хватает. Здесь незнание приобретает структуру: оно перестаѣт быть простым отсутствием и становится формой ожидания, возможностью, напряжѣнным пространством, в котором знание ещѣ не родилось, но уже вызвано к жизни.

Иначе говоря, всякое осознанное незнание есть не что иное, как знание об отсутствии чего-то. Его можно представить как заготовку, как пустую ячейку, ожидающую заполнения, как форму, очертания которой уже заданы, хотя содержание ещѣ неизвестно. Чем точнее человек ощущает, что именно он не знает, тем ближе он к знанию, тем острее готовность воспринять новое. Отсюда рождается тонкое различие между

наивным незнанием, лишённым самоосмысления, и зрелым незнанием, которое уже становится частью мыслительного опыта.

Так, всякое размышление о незнании неизбежно приводит к выявлению знания — хотя бы минимального, но достаточного для того, чтобы почувствовать: в этом месте пусто, здесь есть пробел. Эта тень будущего понимания, этот след отсутствующего — уже шаг к тому, чтобы знание стало возможным. Не зная, но зная, что не знаешь, человек оказывается не в состоянии беспомощности, а в преддверии — между неведением и прозрением, в точке, откуда начинается всякое подлинное стремление к истине.

Между уверенностью в знании и признанием незнания действительно возникает особое состояние — не пассивное колебание, но активное и осознанное пребывание в пределах неопределённости, которое можно обозначить как агностицизм в широком, не обязательно религиозном смысле. Это не просто промежуток между да и нет, между знанием и его отсутствием, а целостная позиция мышления, способная удерживать напряжение между возможным и невозможным, между тем, что может быть познано, и тем, что остаётся за пределами ясности. В этом состоянии разум не торопится ни утвердить, ни отвергнуть — он замирает в точке, где оба варианта остаются открытыми, сохраняя внутреннюю подвижность.

Агностицизм не следует путать с равнодушием или интеллектуальной ленью — напротив, он требует особой дисциплины и чуткости. Это состояние, в котором человек способен признать: пока недостаточно оснований, чтобы утверждать, но и не достаточно оснований, чтобы окончательно отрицать. Здесь не возникает пустоты, здесь появляется напряжённая тишина мышления, внимательное ожидание, в котором любое суждение отложено до появления новых данных, до прояснения картины. Агностик не говорит: истины нет. Он говорит: пока нет способа убедиться, что она такова, как кажется.

Такое состояние особенно важно в тех сферах, где предметы исследования по самой своей природе ускользают от однозначной проверки, где опыт ограничен, а логика не даёт окончательных выводов. Научная честность, философская добросовестность, внутренняя интеллигентность ума проявляются именно здесь — в умении не притворяться знающим, когда знание невозможно, и не отрицать, когда невозможно доказать. Это — уважение к тайне, к недосказанности, к неразрешимому. Не как капитуляция, а как форма зрелой, уравновешенной позиции.

Подлинная сила агностицизма состоит в том, что он не замыкается в себе, не превращается в самоцель. Он остаётся открытым к изменению, к появлению новых свидетельств, к пересмотру. Он не боится признать, что вчерашняя неопределённость может превратиться в завтрашнюю уверенность — и наоборот, что сегодня казавшееся несомненным завтра может быть поставлено

под вопрос. В этом состоянии разум не теряет направления, он просто не делает преждевременных выводов. Он движется в поле возможностей, проверяя каждую из них, но не путая предположение с истиной.

Между знанием и незнанием агностицизм становится мостом — не из камня, а из гибкой ткани размышлений, способной выдержать вес множества противоречий. Он соединяет уверенность и сомнение, не разрушая ни одно из них, а позволяя им сосуществовать в сложном равновесии. Это равновесие не статично — оно требует постоянного внимания, постоянной внутренней работы, в которой знание обретает не форму утверждения, а форму вопроса, удержанного в ясности.

Если обратиться к самым древним известным корням, откуда прорастают слова, обозначающие «знание» в различных языках, становится очевидным, что само понятие знания формировалось в человечестве на глубочайших пластах восприятия, задолго до появления систематической мысли, как способ обозначить не просто обладание сведениями, но прежде всего — внутренний акт постижения, соприкосновения с реальностью, различения. И именно этим глубинным чувством проникновения и приобщения пронизаны древнейшие слова, из которых впоследствии выросли понятия знания в разных языках мира.

В праиндоевропейском языке, реконструируемом как условная общая основа для многих современных языков Европы и части Азии, глагол *ǵneh₃- означал «знать,

узнавать, распознавать». От этого корня происходят и латинское *gnoscere* (дающее начало таким словам, как *cognitio*, *recognize*, *incognito*), и греческое *γινώσκω* (*gignōskō*), и санскритское *jñā-* (как в *jñāna* — знание, мудрость). В этом корне слышится не только знание как факт, но и акт распознавания, узнавания, как будто знание — это возвращение к уже увиденному, к тому, что душа узнала прежде. В латинском корне дополнительно проявляется идея соединения восприятия и памяти — не просто разглядеть, но запомнить, закрепить, впитать.

В древнекитайской культуре представление о знании прочно связано с иероглифом 知 (*zhī*), который восходит к знаку, состоящему из двух частей: «стрела» и «уста». Это сочетание символизировало прямоту речи, точное выражение, прицельность понимания — как будто знание воспринималось как умение выразить, «попасть» словами в смысл. Здесь знание неотделимо от речи, от способности передавать истину без искажения. Такой подход отражает конфуцианское представление о знании как об умении действовать и говорить в соответствии с гармонией, соблюдая внутреннюю соразмерность вещей.

В современном китайском языке слово «знать» часто передаётся как 知道 (*zhī dào*), где первый иероглиф 知 (*zhī*) обозначает знание, осознание, а второй — 道 (*dào*), что буквально переводится как «путь», но смысл которого гораздо шире, чем просто дорога или направление. Это сочетание открывает удивительное

пространство для размышления: здесь знание предстаёт не как вещь, не как факт, не как накопление, а как движение, причастность к пути, вхождение в ритм происходящего. Оно становится процессом, неотделимым от становления, от следования, от внутреннего согласования с тем, что не поддаётся полному овладению.

道 — это понятие, уходящее в глубь китайской философии, и прежде всего в даоскую традицию. Там оно означает не просто путь, а основу существования, естественный порядок вещей, первопринцип, в котором сочетаются и движение, и пустота, и недеяние, и непротивление. Дао не схватывается разумом, его нельзя постичь как предмет, его нельзя исчерпать в знании — но можно следовать ему, можно быть с ним в согласии, можно стать его частью, растворившись в его течении. И когда в языке знание связывается с дао, это уже не просто информация, не просто осведомлённость, а способность быть в том, что разворачивается, способность ощущать ритм мира и не противостоять ему.

Это знание не утверждает, оно сопровождает. Оно не даёт формулы, оно настраивает. Оно не исходит из расчёта, но из восприятия движения. «Знать» в этом смысле — не зафиксировать, а узнать как следовать, как идти, как не нарушить. Это знание, в котором больше тишины, чем утверждений, больше участия, чем анализа. Человек, который знает (知道), — это не тот, кто собрал сведения, а тот, кто идёт в соответствии. Он как будто не

просто постиг, а встроился в движение, позволил ему течь сквозь себя.

Такое понимание знания вступает в резкое несогласие с западной традицией, где знание часто стремится к владению, к точности, к определению и доказательству. Там знание — акт обособления, а здесь — акт сопричастия. Там — попытка господства, здесь — жест внимательного присутствия. В «zhī dào» знание утрачивает жёсткие контуры, становится мягким, текучим, изменчивым. Оно не вещь, а след. Оно не состояние, а отношение. Это не знание как накопление, а знание как наличие направления, как чувствование линии, по которой идёт жизнь.

Если перенести это в более широкую философскую плоскость, можно сказать, что знание, соединившись с путём, становится формой жизни, способом бытия, стилем присутствия. Оно перестаёт быть результатом и становится практикой. В этом контексте знать — значит не объяснять, а действовать в согласии; не обозначать, а распознавать момент; не утверждать, а слышать движение. Такое знание не можно передать, как не передаётся путь — его можно только разделить, пережить вместе, вступить в него.

А потому философия, чувствительная к этому сочетанию — zhī dào — должна отказаться от соблазна окончательных определений. Она должна быть внимательной, как садовник, как слушающий, как идущий по тропе в утреннем тумане, где каждый шаг —

уже знание, хотя и не сформулированное. В этом смысле знание, соединённое с дао, — это не результат мышления, а способ тишины в движении, форма узнавания без утверждения. И, возможно, именно в таком понимании и скрыта та граница, за которой знание перестаёт быть проблемой, а становится состоянием покоя, в котором уже не нужно знать, чтобы быть.

В иврите знание выражается через корень *יָדָע* (*yada'*), который означает не только «знать», но и «постигать, проникать, быть в интимной связи». Этот глагол используется как в контексте рационального познания, так и в смысле глубокой личной близости, вплоть до телесного единения. В этом представлении знание не отделено от жизни, не существует вне бытия — оно не абстракция, но сопричастность, глубокая вовлечённость. Знать — значит быть соединённым с объектом знания, не умом лишь, но существом своим. Здесь знание становится не отражением, а соприкосновением.

Глагол *יָדָע* (*yada'*) в древнееврейском языке, как он встречается в текстах Торы и более поздней библейской литературы, представляет собой одно из тех древних слов, в которых не просто заключено значение, но сосредоточено целое мировоззрение, пронизывающее язык, тело, чувство, мысль и откровение как неделимое целое. В нём знание не существует отдельно от бытия, а интимность не противопоставляется разуму. Именно поэтому *יָדָע* может одинаково обозначать как акт познания, так и союз между мужчиной и женщиной — не как метафору, но как два проявления одной и той же глубинной реальности.

Когда говорится в Бытие: ва-адам йада эт хава ишто — «и человек познал Еву, жену свою», — не подразумевается просто половой акт. Это выражение передаёт не механику, а соединение, сопричастие, со-знание — в буквальном смысле. Здесь йада означает проникновение не только в тело, но в таинство другого как целостного, неотделимого существа. Это знание, в котором нет дистанции, нет аналитического различения между субъектом и объектом. Это знание как сопричастие, как бытийственное единство. Оно не от внешнего к внутреннему, не от наблюдения к выводу, а от соединения к со-знанию. Здесь знание перестаёт быть актом ума и становится движением души и тела одновременно.

С другой стороны, в книгах Притчей, в Псалмах, у пророков, у Соломона, слово йада используется и в значении интеллектуального, морального, пророческого познания. Когда Соломон говорит: רע וצהר רע לדעת — «чтобы познать страдание и зло» — он использует тот же самый глагол. Но и здесь, даже в философском или моральном контексте, знание не сводится к сухому пониманию или абстрактной информации. Оно всегда имеет в себе экзистенциальный характер, внутреннее участие, вовлечённость. Познать — это не узнать факт, а пройти через опыт, дотронуться до сути, включиться в реальность. Это знание через проживание, знание как след следа на душе, а не результат наблюдения со стороны.

Отсюда становится ясным, что в древнееврейском мышлении познание никогда не было чисто интеллектуальной процедурой. Оно всегда включало тело, жизнь, чувство, моральную вовлечённость. Знание и интимность — это два языка, обозначающих одно и то же движение: переход от разделённости к соприкосновению. Человек познаёт Бога — и это йада, человек познаёт женщину — и это йада, человек познаёт добро и зло — и снова йада. В каждом случае — это акт вхождения в глубину, растворения границы, касания до самой сути.

Такое понимание радикально отличается от западного рационалистического восприятия знания как накопления, как отражения внешнего. Здесь знание — не отражение, а приобщение. Оно требует не наблюдения, а соучастия. Оно не разделяет, а объединяет. Это и объясняет, почему одно и то же слово охватывает столь разные с первого взгляда действия. В древнееврейской картине мира познание — это всегда форма соединения: с телом, с другим, с Богом, с истиной, с болью, с законом.

Именно эта целостность делает йада не просто лексическим архаизмом, а выражением древнего философского инстинкта, в котором знание и любовь, слово и плоть, разум и страдание ещё не были разведены. Это знание не ставит вопроса об истине как внешней норме, оно переживает истину как реальность связи, как опыт прикосновения. И в этом смысле слово йада открывает не только язык, но и архетипическое пространство, где познание означает не обладание, а сопричастие.

В древнеегипетском языке встречается слово ḫ (читается как *rekh*), передающее идею знания, понимания, мудрости. Оно писалось иероглифом, изображающим голову с подчеркнутым глазом — как будто знание там связывалось с актом видения, направленного внутрь и вовне. Жрецов, обладавших тайным знанием, называли *rekhut*, и эта связь глаза и разума порождала представление о знании как о мистическом видении, прозрении, открытии скрытого. Знание, согласно египетской традиции, заключалось не только в запоминании, но в постижении скрытых закономерностей бытия.

У шумеров слово для обозначения знания звучало как *ed*, *eda*, или *ezem*, в зависимости от контекста. Однако чаще всего встречается слово *gub-ba* — буквально «установленное» или «стоящее» знание, нечто, что закреплено, что «встало» в мире. Шумеры связывали знание с актом установления порядка, наведения гармонии в хаосе. Знать означало быть способным установить связь между богами, ритуалами и миром, а потому знание считалось даром, ниспосланным свыше. Оно не возникало, но приходило — как дождь или знак.

У народа майя важнейшее слово, связанное со знанием — *il*, означающее «видеть». Познание у них выражалось через визуальные метафоры, где знание ассоциировалось с видением, видимостью, проницательностью. Жрецы и провидцы были *ah il*, «те, кто видит». Таким образом, знание понималось как доступ к иной плоскости

реальности, как способность видеть то, что недоступно обычному глазу. Это была не столько рациональная операция, сколько экстатическое восприятие истины, неразрывно связанное с мифологией и циклическим временем.

В языках Океании, особенно в австронезийских, глаголы, обозначающие знание, часто восходят к корню *mata*, что также означает «глаз», «зрение». Например, в маори есть слово *mātau*, которое означает и «знание», и «умение», и «понимание». Знание тут — это способность ориентироваться, быть точным, чувствовать мир в его движении, особенно в условиях моря и непредсказуемой природы. Это знание как навигация, как живое чувство равновесия между человеком и стихией.

У аборигенов Австралии знание выражается не столько словами, сколько в рамках Песенных путей и понятий «Время Мечты». Само знание здесь — это не информация, а участие в непрерывной истории, в пространственно-временном рассказе, где каждый шаг, каждый ландшафтный элемент связан с мифом, с предками, с песней. Знать — значит уметь пройти Путь, прочесть Землю, услышать её голос. Знание живёт не в памяти, а в пути, в движении, в исполнении.

Собрав все эти древнейшие смыслы, можно уловить удивительное: несмотря на огромное разнообразие культур, знание в своей истоковой форме не сводится к обладанию сведениями. Оно почти везде связано с актом видения, узнавания, приобщения, с телесным, личным,

сакральным восприятием. Оно — не то, что мёртво хранится, но то, что живёт в действии, в соприкосновении с реальностью, в состоянии присутствия. И в этом — древняя, первобытная интуиция, что истина не даётся однажды и навсегда, а возникает в момент, когда разум, тело, земля и слово соединяются в одном жесте узнавания.

Понятие «знать» не существует в сознании как нечто однородное и цельное — напротив, оно разворачивается в целую последовательность состояний, каждое из которых отличается по степени глубины, осознанности, устойчивости и сопричастности к объекту познания. Эти стадии не всегда последовательно сменяют друг друга — они могут сосуществовать, перетекать одна в другую, возвращаться и повторяться, но всё же в их многообразии можно различить определённую структуру, раскрывающую путь от первого соприкосновения с чем-либо до глубинного и устойчивого знания.

Первая стадия — ощущение присутствия чего-то неизвестного. Это ещё не знание, но уже не чистое неведение. Здесь возникает предчувствие, что что-то существует за пределами уже освоенного, и этот намёк способен побудить к поиску. Обычно это проявляется как лёгкое беспокойство, как неоформленный вопрос, как внутреннее напряжение между известным и предполагаемым. На этой стадии человек ещё не может выразить, что именно он ищет, но уже чувствует необходимость узнать.

Следующая стадия — узнавание. Это момент первого контакта, когда разум соприкасается с новым фактом, образом, явлением. Узнавание всегда несёт в себе оттенок удивления или совпадения: новое воспринимается как будто уже знакомое. Часто оно сопровождается догадкой, интуицией, вспышкой смысла. Здесь знание ещё зыбко, оно неустойчиво, но уже зафиксировано в памяти. Можно сказать, что на этой стадии знание прорастает в сознании как росток из семени.

Третья стадия — понимание. Это момент, когда знание получает форму, структуру, связь. Оно уже не просто воспринимается, но осмысливается, включается в контекст других знаний, соотносится с опытом. Возникает возможность объяснить, обосновать, выразить словами. На этом уровне разум начинает различать границы понятого, отделять главное от второстепенного. Знание начинает обретать логическую чёткость и может быть передано другим.

Затем следует стадия применения. Здесь знание становится инструментом действия — оно используется, проверяется, подтверждается опытом. Это переход от теории к практике, от идеи к поступку. Если знание не находит выхода в действии, оно рискует остаться мёртвым, стерильным. Но когда оно применяется, оно преобразует самого знающего: через поступок знание укореняется, становится частью характера, навыка, привычки. Оно начинает жить не только в уме, но и в

жесте, в речи, в поведении.

Пятая стадия — закрепление. Это момент, когда знание становится неотъемлемой частью внутреннего мира. Оно уже не требует усилий для воспоминания, не вызывает сомнений, оно пережито, усвоено, вписано в личную или культурную ткань. Оно становится основанием, на котором строятся новые формы мышления. Здесь знание перестаёт быть объектом размышления — оно становится фоном, основой, как корни для дерева, которые не видны, но питают всё остальное.

И, наконец, возможна последняя стадия — трансцендентное знание. Оно возникает не всегда, и не для всех областей, но когда появляется, выходит за рамки привычной рациональности. Это знание, которое не может быть выражено полностью в словах, но при этом ощущается как абсолютно подлинное. Оно сродни откровению, внутреннему прозрению, когда знание становится переживанием, единством с познаваемым. Здесь знание перестаёт быть разделённым на субъект и объект, оно обретает форму тишины, неделимости, цельности.

Все эти стадии не противопоставлены друг другу — они скорее образуют круг или спираль, по которой движение может продолжаться вновь и вновь. Иногда знание возвращается к более раннему состоянию, обогащённое новым опытом; иногда за мнимым закреплением вдруг обнаруживается, что понимание было поверхностным, и

процесс начинается сначала. Но в этом движении и проявляется живая природа знания — оно не мёртвый объект, а путь, способ быть в мире, способ становления.

В самой структуре знания различие между априорным и апостериорным выступает как одна из самых фундаментальных форм его классификации — не просто логической, но почти онтологической, разделяя два способа существования истины в разуме. Это различие уходит корнями в размышления античности, достигает своего логического напряжения в философии Нового времени, особенно в трудах Канта, и до сих пор остаётся живым способом осмысления того, как человек постигает мир: изнутри или снаружи, до опыта или через него.

Априорное знание (от латинского *a priori* — «из предыдущего») предполагает наличие знаний, которые не нуждаются в подтверждении чувственным опытом. Эти знания даны до всякого опыта, они как будто вложены в саму способность разума мыслить. Это то, что не извлекается из внешнего мира, а обнаруживается внутри как уже присутствующее. К числу таких знаний традиционно относят математические и логические истины: знание, что « $2 + 2 = 4$ », или что «если $A = B$, и $B = C$, то $A = C$ », не требует наблюдения или эксперимента. Эти утверждения верны независимо от того, как устроен внешний мир. Априорное знание кажется вечным, неизменным, универсальным — оно не зависит от обстоятельств, от времени или от точки зрения.

Однако сила априорного знания не в его абстрактной чистоте, а в его роли как фундамента для всякого другого знания. Без некоторых первоначальных понятий — пространства, времени, причины, единства — не удалось бы даже начать осмысление опыта. Эти формы, по Канту, не приходят из ощущений, они — условия возможности всякого опыта, как если бы разум проецировал их на поток восприятия, структурируя хаос чувственности в упорядоченный мир. Априорное не открывает фактов, оно даёт рамки, в которых факты обретают смысл.

Противоположностью этому является апостериорное знание (*a posteriori* — «из последующего»), которое возникает исключительно через опыт. Это знание, рождаемое наблюдением, восприятием, экспериментом. Оно касается мира как такового — конкретного, изменчивого, многообразного. Что вода закипает при сто градусах, что Солнце восходит на востоке, что яблоко падает с дерева — всё это установлено лишь на основе эмпирического соприкосновения с реальностью. Апостериорное знание подвержено пересмотру, оно накапливается, уточняется, проверяется. Оно всегда конкретно, всегда связано с обстоятельствами и условиями.

Если априорное знание — это каркас, то апостериорное — наполнение. Одно не может полноценно существовать без другого. Разум без чувственного материала рискует раствориться в пустых схемах, а чувственность без форм мышления остаётся неупорядоченным потоком ощущений. Всякое познание,

как показывает философская традиция, есть соединение обоих видов: то, что приходит извне, встречается с тем, что уже есть внутри, и между ними вспыхивает смысл.

Но граница между этими видами знания не всегда оказывается чёткой. Существует множество промежуточных состояний, когда априорное знание, казалось бы, полученное без опыта, всё же не может быть полностью отделено от культурного, исторического или телесного контекста. И наоборот, апостериорное может вскрывать такие глубины повторяющегося опыта, что начинает восприниматься как почти независимое от конкретики. В этом колебании между чистым и эмпирическим, между врождённым и приобретённым, разум находит своё подлинное напряжение — стремясь к истине, которая может быть и вечной, и временной, и внутренней, и внешней одновременно.

Если попытаться проследить происхождение самого примитивного знания в живой природе, то взгляд неизбежно обращается к тем глубинным уровням жизни, где ещё нет речи, мышления, символов — но уже есть различение, реакция, устойчивое повторение в поведении, направленное на сохранение существования. Знание в этом контексте возникает не как осознанная идея, а как внутренняя способность отличать одно от другого, выбирать, запоминать, реагировать — и именно в этих простейших формах уже начинает мерцать та грань, где нечто живое узнаёт мир и действует в нём неслучайно.

Первые проявления знания можно обнаружить уже на клеточном уровне, в примитивной активности одноклеточных организмов. Даже у бактерий, не обладающих ни мозгом, ни нервной системой, наблюдается способность к хемотаксису — движению к благоприятной среде и отдалению от вредной. Здесь, в простейшем акте различения между тем, что способствует жизни, и тем, что её разрушает, уже содержится зачаток знания — не осознанного, но вписанного в саму структуру биохимической реакции. Это знание неразрывно связано с бытием: оно выражается не в размышлении, а в действии, направленном на выживание.

Следующий уровень — поведение многоклеточных организмов, особенно животных с простейшей нервной системой. Здесь знание проявляется как элементарная форма обучения — способность запоминать и изменять поведение на основе опыта. Даже у насекомых, таких как пчёлы или муравьи, наблюдается сложная система навигации, способность различать цветы, передавать сигналы другим членам колонии, использовать шаблоны и ориентиры. У этих существ ещё нет того, что можно было бы назвать рефлексией, но знание у них уже есть в форме ориентировки, привычки, механизма передачи и сохранения информации.

Особое значение имеет момент, когда появляется способность к ассоциативному обучению — когда организм, пережив определённый опыт, связывает его с

конкретным стимулом. На этом уровне знание уже не только врождённое, но и приобретённое. Животное начинает вести себя по-другому, потому что запомнило, что определённый звук предшествует угрозе или пище. Здесь возникает память, и с ней — возможность накопления индивидуального опыта, пусть даже в ограниченных формах.

С переходом к позвоночным животным, особенно млекопитающим и птицам, знание приобретает пространственные, социальные и даже элементарно символические формы. Животные начинают различать своих сородичей, осваивать территории, использовать инструменты. У них формируется понимание последовательностей, связи между действиями и результатами. Это знание — ещё не абстрактное, но уже личностное, обусловленное не только врождёнными инстинктами, но и индивидуальной биографией.

Но даже прежде, чем появляются образы, представления и речь, знание уже присутствует как форма организованного отношения к миру. Оно возникает в том моменте, когда организм перестаёт быть полностью растворённым в среде и начинает в ней различать — друга от врага, пищу от яда, безопасное от угрожающего. Это знание не обязательно требует сознания, но оно требует структуры, устойчивого механизма повторения и различения, требует памяти как накопления опыта и способности к выбору как реакции на этот опыт.

Таким образом, знание в дивой природе начинается не с

мысли и даже не с чувства, а с способности различить, запомнить, повторить. Оно прорастает в каждом акте выживания, в каждом ответе на внешний раздражитель, в каждом движении, избегающем опасности. И чем сложнее становится организм, тем богаче формы знания, вплоть до тех, что однажды обретут форму слова, символа, размышления. Но в самой своей основе знание остаётся движением к распознаванию, к ориентации, к жизни.

Присваивание способности «знать» неживой природе — акт философский, граничащий с метафизическим, поскольку само понятие знания предполагает не только наличие информации, но и возможность различения, хранения, использования, а также — в высших формах — осознания. Однако в определённых условиях можно начать рассматривать неживые явления как носителей зачатков того, что по аналогии приближается к знанию, хотя и не обладает признаками сознания или воли. Это требует смещения фокуса: отказа от представления знания как исключительно человеческой привилегии и готовности рассматривать знание как структуру, возникающую там, где есть упорядоченность, повторение, способность к передаче и преобразованию.

Одним из таких условий становится существование устойчивой формы, способной хранить и передавать информацию. Например, в кристаллической решётке минерала можно обнаружить зафиксированную структуру, которая несёт информацию о процессах формирования, температурных режимах, химических условиях. Здесь знание — не в акте осознания, а в самом

порядке, в форме, в следе прошлого, отпечатанном в материи. Можно говорить о «знании» камня в том смысле, что он сохраняет следы того, что с ним происходило, и способен сообщить о них — хотя бы через научный анализ. Это знание — пассивное, молчаливое, но оно есть как потенциальность, как хранилище.

Другим условием становится способность к взаимодействию, в результате которого структура может изменяться в ответ на внешние воздействия. Так, сложные химические системы, в том числе доорганические — например, автокаталитические сети или взаимодействия молекул в предбиологических условиях — уже демонстрируют примитивную форму «реакции с учётом условий». Эти системы сохраняют, повторяют, изменяют структуру, воспроизводят себя. Они могут «запоминать» — в пределах закономерностей, — какие формы устойчивы, а какие приводят к распаду. Это знание ещё неотделимо от самой материи, но уже присутствует в форме динамического опыта — как будто природа учится через отбор устойчивого.

На более высоком уровне появляется возможность говорить о знании через поведение сложных систем, например, в климатических или геологических циклах. Земля «помнит» — в кольцах деревьев, в слоях льда, в осадочных породах. Эти формы не осознают, не выбирают, но в них сохраняется и передаётся опыт взаимодействия с окружающей средой. Тут знание можно понимать как способность к накоплению следов

прошлого, как структурное воспроизведение закономерностей. И хотя это знание не имеет субъекта, оно может быть реконструировано, «считано», возвращено в осознанное поле другими формами бытия — в частности, человеческим разумом.

При особом подходе возможно и более радикальное расширение понятия знания — например, в рамках панпсихизма или системной философии, где любая форма организованности уже несёт в себе некую степень внутренней направленности, пусть даже недоступной наблюдению. Тогда знание отрывается от привычной логики мышления и превращается в форму соучастия материи в общем процессе становления. В этом контексте звезда, кристалл, молекула или галька на берегу могут быть рассмотрены как участники некоего процесса, в котором знание не отделяется от формы существования.

Некоторым образом, способность приписывать знание неживой природе возникает при выполнении хотя бы одного из трёх условий: наличие структуры, сохраняющей информацию; возможность реакции и изменения с учётом предыдущего состояния; способность сообщать нечто о своём прошлом, пусть даже через интерпретацию извне. Это не делает неживое сознательным, но позволяет признать, что грань между знать и не знать — не резкая, а текучая, и что даже в камне, кристалле, молекуле уже заключена форма того, что однажды, через многие уровни усложнения, станет знанием в полном смысле — знанием о знании.

Закон сохранения информации, в своём самом широком и философски насыщенном понимании, утверждает, что информация не исчезает бесследно, но сохраняется в какой-либо форме, даже если подвергается радикальным преобразованиям. В физике, особенно в контексте квантовой механики и теории черных дыр, это понятие стало предметом напряжённых дискуссий, поскольку оно касается самого фундамента взаимодействия материи, времени и причинности. Информация здесь — не просто данные, а глубинная характеристика состояния системы, описывающая её структуру, конфигурацию, взаимодействие.

Согласно квантовой теории, любое физическое взаимодействие сохраняет информацию о начальном состоянии системы. Даже если структура распадается, сгорает, рассеивается — сама возможность теоретически восстановить прошлое по следам сохраняется. Это фундаментально важно для целостности физической картины мира, где всякая утрата информации воспринимается как нарушение обратимости, как логическая «пробоина» в причинно-следственной ткани реальности. Именно отсюда вырос знаменитый «информационный парадокс» Хокинга, связанный с тем, что чёрные дыры, поглощая материю, казалось бы, уничтожают информацию — но затем выяснилось, что она может быть закодирована в излучении горизонта событий.

Перенеся это представление на уровень человеческого

мозга и смерти, можно задать вопрос: исчезает ли информация, когда умирает сознание? Уход мозга из активного состояния — прекращение электрических импульсов, разрушение нейронных связей, гибель тканей — приводит к тому, что феномен субъективного опыта, как он был, прекращается. Однако с точки зрения физики, информация, описывающая состояние мозга, его структуру, связи, конфигурацию молекул, не исчезает мгновенно. Она либо сохраняется в остаточной форме — в структуре разрушенного вещества, в химических остатках, в тепловом следе, — либо переходит в иную форму распределения энергии.

Если придерживаться радикально материалистической позиции, информация, связанная с личностью, распадается и становится недоступной в прежнем виде, но в своём физическом содержании остаётся частью более широкой системы — перераспределяется, растворяется в термодинамических процессах, но не исчезает полностью. Смерть мозга — это не аннигиляция, а распад структуры. Информация теряет связность, целостность, перестаёт быть функциональной, но фрагментарно сохраняется, как хаотично рассыпанный текст, где больше нельзя прочесть мысль, но можно найти отдельные буквы, из которых она была составлена.

Философский же взгляд на эту тему предполагает различие между сохранением информации как физической структуры и сохранением смысла, опыта, личности. Даже если исходные данные не исчезают, они теряют семантическую организацию — то, что делает

информацию знанием, памятью, «я». Информация без интерпретации становится пустой, как книга, язык которой никто больше не понимает. Поэтому сохранение информации после смерти мозга — явление, которое можно признать физически, но не феноменологически: мозг не может больше воспринимать, различать, помнить — и потому знание умирает, даже если его остатки продолжают существовать в рассеянной форме.

Можно рассмотреть и гипотетические технологии, способные «считать» такую информацию — например, в контексте фантазий о цифровом бессмертии, загрузке сознания, реконструкции личности. Но даже в этих сценариях вопрос остаётся открытым: будет ли восстановленная структура тем же знанием или только его реконструкцией? Останется ли она носителем опыта, или станет его имитацией? И в каком смысле «информация» может быть продолжением того, что именуется «собой»?

Определённым образом, закон сохранения информации применим к смерти мозга в строгом физическом смысле — как принцип, запрещающий полное исчезновение структуры. Но это сохранение — безличное, рассеянное, лишённое направленности. Информация остаётся, но знание, как организованный, прожитый, осознанный опыт, угасает вместе с тем, кто его носил.

Искажение при передаче информации представляется не только вероятным, но и в определённом смысле — фундаментально неизбежным, особенно если рассматривать информацию как живой процесс, проходящий через среду, время, носитель, восприятие и интерпретацию. Между отправкой и получением любого сообщения — будь оно вербальным, визуальным, тактильным, символическим — всегда лежит не пустота, а множество посредников, каждый из которых влияет на форму, содержание и смысл передаваемого. И именно в этих промежутках между «от» и «до» начинают действовать силы искажения: шум, неточность, контекст, несовпадение систем координат, различие кодов.

Уже на самом первом уровне — физическом — передача информации через любую среду подчиняется законам, допускающим потерю или мутацию сигнала. Электромагнитные волны искажаются в атмосфере, звуки теряют чистоту на расстоянии, текст разрушается при копировании, свет рассеивается, формы исчезают во времени. Энергия, несущая смысл, распадается, сталкивается с сопротивлением, теряет чёткость. Даже в технически точных каналах — цифровых сетях — предусмотрены протоколы исправления ошибок, именно потому, что сбой не исключение, а ожидаемое явление. Передача без искажения — всегда искусственно обеспечиваемое условие, поддерживаемое множеством усилий и слоёв проверки.

На следующем уровне — лингвистическом и семантическом — вмешивается ещё большее количество переменных. Слова несут не только значение, но и коннотации, культурные оттенки, эмоциональные оттенки, индивидуальные ассоциации. Что бы ни было сказано, оно всегда отчасти теряется в переводе — даже с языка на язык, даже с ума на ум, даже внутри одной и той же личности, пытающейся выразить себя. Мысль, обретая форму, уже подвергается искажению, а будучи услышанной — проходит ещё одну фильтрацию, уже в сознании воспринимающего. Получатель не просто получает, он заново создаёт — и этим уже изменяет.

При этом искажение — не обязательно ошибка или недостаток. Оно — неизбежное условие передачи, связанное с тем, что всякая информация, прежде чем быть понята, должна быть переведена, соотнесена, встроена в иную систему. И здесь каждый акт искажения может оказаться актом творчества, преобразования, открытия нового смысла. Переименование может не уничтожить, а наоборот, обогатить. В художественном тексте, в мифе, в философской мысли искажение может быть не помехой, а способом более глубинного проникновения, где исходный смысл не повторяется, а заново рождается.

Тем не менее, если рассматривать вопрос строго — можно ли передать информацию без искажения? — то ответ оказывается отрицательным, за исключением предельно простых, формализованных структур, где контекст полностью контролируем, а значения фиксированы. Но такие случаи — редкость и, как

правило, технически ограничены. В живом языке, в человеческом мышлении, в культурных взаимодействиях искажение — часть самой ткани общения. Даже в воспоминании, где человек передаёт информацию себе самому, возникают смещения, забывания, подмены. Разум — не зеркало, а инструмент, и потому он и отражает, и искажает одновременно.

В этом заключается парадокс: передача информации без искажения возможна только в абстракции. В реальности она всегда проходит через множество призм — тела, языка, времени, среды, памяти, воли. Но именно благодаря этому путь информации превращается в историю, в смысл, в событие. Искажение делает знание живым, открытым, подвижным. Оно не просто разрушает — оно созидает новые формы истины, новые грани понимания.

Границы знания — не линии, проведённые с точностью по карте, а туманные зоны, где одно растворяется в другом, где знание теряет очертания и незнание начинает обретать форму. Эти границы никогда не статичны, не неподвижны, не одинаковы для всех. Они живут, двигаются, отступают и возвращаются вместе с самим разумом, с культурой, с опытом. Всякое знание приближается к границе там, где прекращается уверенность, где нарушается связность, где возникает чувство неполноты, сомнение в целостности картины. И там же начинает расти незнание — сначала как вопрос, как нехватка, как предчувствие, что за известным

прячется более сложное, ещё неразгаданное.

Этот переход от знания к незнанию и обратно нельзя свести к простому переключению — он не похож на движение рычага, он не мгновенен, он не одномоментен. Напротив, это переход текучий, как рассвет, где ночь постепенно отступает, не зная, в какой именно минуте она перестает быть. В этом смысле переход — скорее континуум, чем дискретность. Хотя разум склонен к фиксации, к классификации, к разграничению, сами границы знания не поддаются окончательной форме. Между знать и не знать всегда существует полутень, переходная зона, где знание теряет свою силу, а незнание ещё не оформилось в понятие.

Однако в определённых случаях этот процесс может ощущаться как скачок — особенно там, где знание приходит внезапно, как озарение, как догадка, как неожиданная целостность картины. Тогда граница ощущается как барьер, преодоленный рывком. То же происходит и в обратную сторону: внезапное осознание, что то, что казалось понятным, на самом деле ускользает, вызывает резкое падение уверенности, обнажая незнание как зияние, как пустоту, которую ещё недавно не замечали. Эти моменты создают иллюзию дискретности — будто разум пересекает чёткую черту. Но, скорее, это прорыв сквозь накопившееся напряжение, через которое внутреннее движение наконец вырывается наружу.

Граница знания определяется не только внутренним состоянием мышления, но и контекстом —

историческим, культурным, научным. То, что в одном веке считалось окончательным знанием, в другом становится проявлением ограниченности, начальной стадии. Отсюда и постоянное перетекание: знание стареет, обрастает сомнениями, трескается под новыми вопросами, и незнание прорастает сквозь него, требуя переосмысления. Но и незнание не вечно пребывает в своей пустоте — оно упорно тянется к форме, к слову, к выражению, и постепенно становится знанием, едва наметившись в вопросе.

Есть также и внутренняя граница — граница между знанием, находящимся в памяти, и знанием, доступным к актуальному использованию. Мысль может знать, но забыть, может обладать, но не осознавать. И это внутреннее колебание между активным и латентным знанием создаёт свои собственные формы переходов — когда внезапно всплывает забытая формула, когда понятие, хранившееся в тени, выходит на свет.

Таким образом, граница между знанием и незнанием — не черта, а зона напряжения, не линия, а процесс. И хотя разуму свойственно стремиться к определённости, подлинная природа знания живёт в этих переходах, в неустойчивом равновесии, где каждое открытие — лишь временная остановка в бесконечном движении от тьмы к ясности и обратно.

Размышляя о возможности приписать знание квантовой частице, будь то в контексте запутанности, запрета Паули или других эффектов микромира, приходится покинуть привычную плоскость классического мышления, где знание — это нечто внутреннее, осознаваемое, оформленное в форму и доступное субъекту. В квантовой механике понятия «знать», «определённость», «локализация» приобретают иные очертания, а сама реальность отказывается быть независимой от акта измерения. Однако, даже в этом изменённом контексте, возникает соблазн взглянуть на поведение частиц не как на слепую механику, а как на структуру, в которой можно усмотреть некие зачатки различия, согласованности, даже условной «информационной осведомлённости».

Квантовая запутанность — одно из самых поразительных явлений, когда две или более частиц становятся связаны таким образом, что изменение состояния одной мгновенно отражается на другой, независимо от расстояния. В этом можно видеть проявление такой согласованности, которая нарушает представление о локальности и отделённости. Поведение запутанных частиц демонстрирует, что между ними существует некая общая информация — не в смысле «сообщения», но в смысле общего состояния, единого описания. Говорить, что одна частица «знает» о другой, — это метафора, но метафора, выражающая реальное присутствие корреляции, не сводимой к классическому механизму причинности. Это знание без субъекта, но с эффектом — оно проявляется не как

сознание, а как невозможность независимого описания.

Запрет Паули, запрещающий двум фермионам — например, электронам — находиться в одном квантовом состоянии, тоже может быть прочитан как форма «различения». Частицы как бы «избегают» дублирования, формируя устойчивые конфигурации, основанные на принципе недопустимости одинаковости. Это поведение нельзя объяснить ни силой, ни обменом частицами, ни внешним ограничением — оно заложено в самой структуре мира, как если бы каждая частица обладала внутренним механизмом «отслеживания» уже занятых состояний. Здесь знание снова выступает как образ, обозначающий некое отношение к возможному — к тому, что допустимо, а что нет. Не обладание информацией, но её включённость в саму физику поведения.

Более того, сам квантовый формализм — суперпозиции, вероятностные функции, коллапс при измерении — указывает на то, что частица не обладает определёнными свойствами до тех пор, пока не возникает акт измерения. Это значит, что состояние частицы — не конкретная величина, а распределение возможностей. Знание здесь становится не столько характеристикой частицы, сколько характеристикой взаимодействия: то, что можно сказать о частице, становится возможным только в момент, когда с ней вступает в связь наблюдатель, прибор, другая система. В этом смысле знание как таковое находится не в частице, а в границе между ею и тем, кто пытается её познать. Но сама возможность этой границы уже предполагает наличие структуры, в

которой информация распределена, организована, проявляется.

Существуют и физические теории, например, интерпретация квантовой механики как «фундаментальной теории информации», где поведение частиц трактуется не в терминах материи или энергии, а как операции с информацией. В этом подходе частица — это не столько объект, сколько носитель элементарного бита, логического выбора, «да» или «нет» относительно измеряемого свойства. Тогда вопрос о знании частицей чего-либо становится вопросом о том, какие информационные ограничения она воплощает. Это знание без субъективности, но с логикой, в которой действуют принципы исключения, различения, предсказуемости.

Такое знание нельзя назвать сознательным, но его можно описать как встроенное в структуру физической реальности — как ограничение возможного, как корреляцию между частями, как код, вписанный в ткань бытия. Здесь знание не в голове, а в уравнении, не в мыслях, а в поведении, не в понимании, а в закономерности. И потому, размышляя о квантовой частице, допустимо осторожно говорить не о знании в человеческом смысле, но о знаниеподобном состоянии — о присутствии структурированной информации, определяющей, какие состояния возможны, какие допустимы, а какие исключены. Это — мир, где частицы не мыслят, но мир как будто уже мыслит сам через их взаимодействия.

Вопрос о том, может ли квантовый вакуум обладать своего рода «памятью» о присутствии материи или энергии, превосходящей его собственный базовый уровень, открывает доступ к одному из самых тонких и многослойных пластов современной теоретической физики, где грань между материей, энергией, пространством и информацией постепенно стирается. Вакуум в контексте квантовой теории поля — это не пустота в классическом смысле, а активная, насыщенная флуктуациями основа, в которой спонтанно возникают и исчезают пары частиц и античастиц, несущие энергию, импульс и — что особенно важно в данном контексте — потенциальную информацию.

Эффект Казимира, как наблюдаемое явление, подтверждает, что вакуум реагирует на геометрию и граничные условия пространства, в котором он «развёрнут». Когда две проводящие пластинки помещаются в вакууме на микроскопическом расстоянии, между ними возникает измеримое притяжение, обусловленное тем, что спектр возможных виртуальных колебаний поля оказывается изменён. Некоторые моды флуктуаций подавляются, другие усиливаются — и это изменение структуры вакуума рождает силу. В этой тонкой манипуляции проявляется чувствительность вакуума к окружающему: он «знает», где находятся границы, каким образом ограничено поле, и реагирует энергетически. Уже одно это даёт основание говорить, пусть метафорически, о способности вакуума «регистрировать» конфигурации материи, влияющие на его состояние.

Если расширить это наблюдение, можно предположить, что вакуум обладает не только мгновенной чувствительностью, но и определённой инерционностью — памятью, сохраняющей след присутствия материи, даже если она была удалена. В контексте квантовой гравитации и теорий, исследующих связь между информацией и геометрией пространства, такая возможность становится всё менее парадоксальной. Например, в рамках гипотезы о голографическом принципе, получившей развитие через идеи Малдасены и теорию АдС/CFT, вся информация о содержимом объёма пространства может быть закодирована на его границе. В таком подходе вакуум — уже не безличная пустота, а динамическая структура, способная хранить информацию о событиях, происходящих в нём.

Более того, в работах, посвящённых информационному парадоксу Хокинга, также прослеживается идея, что квантовое состояние вакуума изменяется под действием материи и может нести след её присутствия. Излучение Хокинга, по одним из интерпретаций, несёт в себе информацию, отражающую внутреннюю структуру чёрной дыры, как бы демонстрируя, что сам вакуум у горизонта событий не нейтрален, а связан с конфигурацией поглощённой материи. Даже если частица исчезает за горизонтом, вакуум в его окрестности «запоминает», как именно это произошло, и выдаёт след в виде излучения.

Если подойти к этому с позиции ещё более абстрактной — информационно-физической, в духе работ Дойча, Ллойда, Тегмарка, — то можно сказать, что сам вакуум

представляет собой некий универсальный носитель, на котором возможна запись состояния системы. Колебания, возникающие в нём, несут код, который может быть интерпретирован как сообщение о состоянии поля. Энергия вакуума — это не фиксированное число, а фон, на котором возможно множество локальных вариаций, каждая из которых может быть интерпретирована как информационный носитель. В этом смысле, если материя или поля взаимодействуют с вакуумом, они неизбежно оставляют в нём след — пусть не вечный, но длительный, способный быть зафиксирован в изменённой структуре флуктуаций, в возбуждениях, в топологических эффектах.

Таким образом, говорить о «памяти» вакуума — это признать, что даже в самой тонкой ткани реальности сохраняется след событий, нарушающих её симметрию. Этот след может быть не похож на классическое представление памяти, он не сохраняется в виде «записи», доступной воспроизведению, но проявляется в изменённой вероятностной структуре флуктуаций, в спектре возможных состояний, в ограничениях, наложенных на поведение поля. Вакуум, в этом смысле, не нейтрален: он реагирует, регистрирует, сохраняет. Его состояние зависит от истории системы.

Если рассматривать сознание, знание, структуру как формы движения и сохранения информации, то можно увидеть в вакууме нечто, находящееся в самом начале этого пути — первую, ещё безмолвную, но уже чувствительную ступень. Он не «помнит» в

человеческом смысле, но он несёт отпечаток. И этот отпечаток может быть, при соответствующих условиях, вновь вызван, обнаружен, проинтерпретирован. Вакуум — не отсутствие, а возможность. И в этой возможности уже живёт нечто, что можно с осторожностью назвать первичной формой знания о мире.

Философия знания — эпистемология — с самого начала своего формирования несёт в себе напряжение между тем, что представляется несомненным, и тем, что не поддаётся определению. Это поле мысли, где утверждение и сомнение, уверенность и скепсис, знание и незнание постоянно борются и обмениваются местами. Любая школа, утверждающая, что она познала природу знания, неизбежно оставляет за собой тень неясного, неразрешённого, и именно в этой тени формируются и другие школы — альтернативные, оппозиционные, ироничные. Само понятие знания рождается не как готовый ответ, а как вопрос, непрестанно обращённый к границам разума.

Античные философы положили основу этому разладу. Платон выдвинул представление о знании как истинном, обоснованном убеждении, но сам оставил множество диалогов незавершёнными, давая почувствовать, что знание — не итог, а путь. В его системе знание есть припоминание вечных идей, и тем самым оно ставится вне эмпирического мира. Это утверждение порождает критику: если знание — не от опыта, то как оно применимо к повседневности, как оно соотносится с тем, что изменяется? Противоположная позиция — у Аристотеля: знание возникает из наблюдения,

обобщения, формализации. Но и здесь возникает слабое место: может ли человек, ограниченный восприятием, достичь универсального знания, если основа его — переменчивая чувственность?

Скептики — как древнегреческие, так и позднейшие — перевернули всю традицию, утверждая: ни одно утверждение о знании не может быть окончательно доказано. Пиррон, кардинальные скептики, затем Монтень и Юм — все они не отвергали знание как таковое, но ставили под вопрос право утверждать, что оно возможно в принципе. Их сила — в способности разоружать догматизм. Их слабость — в парадоксе: отрицая возможность знания, они тем самым утверждали знание об этом отрицании.

Становление новоевропейской науки породило новую веру в рациональность и опыт, и с ней — новую философию знания. Декарт построил знание на сомнении, от которого пытался оттолкнуться, как от точки абсолютной ясности. Но если единственное несомненное — это мыслящее «я», то всё остальное оказывается за пределами уверенности. Его система, стремясь к фундаменту, стала уязвимой изнутри. Критика Канта показала, что не сам мир, а только его феномены доступны знанию, и что разум не отражает реальность, а конструирует её через априорные формы. Тем самым знание стало зависимым от субъекта — и тем самым стало частичным. Оно уже не описывало «вещь в себе», но только «вещь для нас».

Позитивизм, а затем логический эмпиризм XX века попытались очистить знание от метафизических следов, сведя его к верифицируемым утверждениям. Но и здесь, как показали Куайн, Фейерабенд, Кун, знание оказалось исторически, языково и культурно обусловленным. Наука — не линейное накопление фактов, а смена парадигм. Сама структура знания подвержена изменению, и потому не может быть окончательно зафиксирована. Здесь знание снова обретает текучесть — не как слабость, но как условие развития.

Современные философские подходы — герменевтика, феноменология, постструктурализм — разбирают знание не как результат, а как процесс интерпретации. Знание возникает в языке, в культуре, в контексте. Оно становится множественным, относительным, воплощённым. Его нельзя отделить от познающего, от тела, от истории. И здесь снова возникает вопрос: если знание всегда ситуативно, локально, не может ли это означать, что мы не знаем, что такое знание в универсальном смысле?

Да, можно сказать спокойно и без парадокса: мы не знаем, что такое знание — если под знанием понимать не совокупность утверждений, а само основание уверенности. Все определения, предложенные философией, оказываются либо неполными, либо самопротиворечивыми. И это не поражение, а условие подлинной философии. Ведь признание незнания — не капитуляция, а начало мышления. Оно открывает путь к постоянному пересмотру, к критике, к диалогу.

Критиковать школы можно справедливо не за ошибки, а за замыкание. Платона — за отвлечение знания от живой реальности. Эмпириков — за недоверие к форме. Скептиков — за превращение сомнения в рутину. Рационалистов — за изоляцию сознания. Позитивистов — за иллюзию объективности. Но в этом критическом движении каждая школа остаётся носителем важной грани истины. Именно в столкновении их — и в признании пределов — и рождается подлинная философия знания. Не как определение, но как процесс. Не как ответ, но как постоянный вопрос к себе.

Вопрос «Как мы знаем, что мы что-то знаем?» получает ответ, который одновременно прост и необъятен: мы не знаем — но не в смысле бессилия или интеллектуального поражения, а в том, что всякое знание, как только оно становится предметом рефлексии, тут же отступает от своей очевидности. В момент, когда разум поворачивается к самому себе с попыткой удостовериться в достоверности собственного знания, он сталкивается не с твёрдой основой, а с подвижной, зыбкой границей, где уверенность и сомнение начинают переплетаться, рождая не разрушение, но внутреннее напряжение, необходимое для мышления.

Это не-знание — не пустота, не ничто, а форма ясного осознания пределов. Оно означает не отказ от знания, а отказ от окончательных утверждений. То, что известно, может быть поставлено под вопрос. То, что кажется очевидным, может оказаться иллюзией. Даже то, что

принято как факт, может в иной системе координат предстать как гипотеза, временное допущение. В этом смысле признание не-знания — не отказ от познания, а акт максимальной интеллектуальной честности, акт, в котором знание не утверждается, но удерживается в открытости.

Можно сказать иначе: мы знаем, что знаем не окончательно. Мы знаем, что всякая форма знания подлежит сомнению, что всякая уверенность живёт на фоне возможной ошибки, что всякая логика покоится на допущениях. И потому знание, которым обладает человек, всегда двусмысленно: оно движется вперёд, но несёт в себе признание собственной неполноты. Мы знаем, что знание возможно, но не знаем, где оно завершено. Мы узнаём мир, но не знаем, познаём ли мы его таким, каков он есть, или таким, каким он возможен для нас.

Сказать «мы не знаем» — значит признать сложность, допустить противоречие, отнести к знанию как к живому процессу, а не к застывшему содержанию. Знание здесь предстает не как клад, хранимый в сундуке, а как путь, как напряжение между вопросом и ответом, между уверенностью и непредсказуемостью. Мы движемся от знания к незнанию и обратно, не имея окончательной точки, только ритм, только процесс, только мышление как бесконечный диалог с самим собой и с миром.

Поэтому последний, пусть и незаконченный ответ может

звучать так: мы знаем, что мы что-то знаем, лишь до тех пор, пока продолжаем спрашивать, знаем ли мы это на самом деле. И в этом бесконечном движении вопроса и заключается та истина, которую невозможно зафиксировать, но можно переживать — вновь и вновь, каждый раз по-новому.

Такое стремление — уйти от слова «знать», отягощённого философскими противоречиями, метафизическим грузом и семантической неустойчивостью, — вполне естественно. И в истории науки, логики и когнитивных исследований многократно предпринимались попытки заместить это слово более строгими, измеримыми, операционализированными понятиями. Само развитие точных наук и аналитической философии часто было направлено именно на то, чтобы обойти зыбкость интуитивного «я знаю» и вместо него использовать термины, где значение фиксировано, а критерии понятны.

Так, на место знания предлагались конструкции вроде информации, достоверности, вероятности, верифицируемости, когнитивной уверенности, логической обоснованности, байесовской правдоподобности, нейронной активации определённых схем, технической памяти, семантической связности, прагматической полезности. Каждый из этих терминов даёт более узкое и, как правило, более измеримое представление о том, что раньше называлось знанием. Например, в когнитивной психологии говорят о декларативной и процедурной информации, в информатике — о данных, структурах, кодах, в физике

— об энергетических состояниях, в логике — об истинности формул при заданной интерпретации. Эти термины создают дисциплинарную чёткость, снимают туман с области рассуждений, но при этом каждый из них платит цену за это: утрату широты, экзистенциальной глубины, феноменологической целостности.

Проблема в том, что слово «знание» охватывает не только факт, не только структуру, не только сигнал, но и отношение: между субъектом и содержанием, между опытом и его оформлением, между вопросом и тем, что даёт на него ответ. Оно вписывает смысл в контекст — биографический, культурный, исторический. Отказавшись от него, можно добиться точности, но ценой утраты тех измерений, где знание становится не просто наличием, но участием, не просто истиной, но ориентацией, не просто содержанием, но бытием в мире. Именно поэтому ни один из технических или научных терминов не способен полностью заменить слово «знать» — оно продолжает возвращаться, как философский маяк, указывающий на то, что вне его остаётся что-то неуловимо важное.

Тем не менее, сама мысль о замещении открывает плодотворное направление. Возможно, знание стоит не заменить, но разложить — на составляющие, каждая из которых может быть описана с большей точностью. Например, различить:

– информационную осведомлённость — наличие

данных;

– логическую обоснованность — структурное выведение из посылок;

– эпистемическую уверенность — субъективную оценку достоверности;

– когнитивную доступность — актуальность содержания в уме;

– прагматическую применимость — способность использовать в действии;

– семантическую связанность — интеграцию с уже существующими понятиями.

Вместо одного размытого слова можно говорить о множестве взаимосвязанных процессов, где каждый отвечает за определённую сторону того, что в обыденной речи называется знанием. Тогда проблема «что такое знание» превращается в карту — и её уже можно исследовать строго, осторожно, поэтапно. А само слово «знание» оставить как рамку, как интерфейс между дисциплинами, как старое, но пока ещё незаменимое имя того, что слишком живо, чтобы быть свёрнуто до формулы.

В этом смысле знание — как понятие — не требует отмены, но требует деликатного развёртывания. Оно не ошибочно, оно просто старше и сложнее, чем многие термины, пришедшие ему на смену. И если оно вызывает сомнения, то не потому, что оно не нужно, а потому, что оно — по-прежнему слишком велико, чтобы быть объяснено до конца.

Действительно, в самом слове информация — латинского происхождения, *informatio*, — заключён корень *forma*, что означает «форма», «очертание», «структура». Приставка *in-* указывает на движение внутрь, на придание чего-либо. Таким образом, *informatio* буквально означает «придание формы», «внутреннее формообразование». Это этимологическое основание вовсе не случайно: оно не только обозначает технический термин, но указывает на самую суть происходящего в процессе передачи, восприятия и преобразования информации. Это не просто передача содержания, а оформление хаоса в структуру, приведение беспорядочного множества к определённой конфигурации, пригодной для восприятия, хранения, интерпретации.

В самом понятии информации предполагается, что есть нечто, что принимает форму, и нечто, что её сообщает. Информация — это не столько вещь, сколько процесс: переход от неоформленного к оформленному, от неопределённого к различимому. В этом смысле информация существует только там, где есть различие, где возникает возможность отделить одно от другого, обозначить границу, зафиксировать контур. Информация не передаёт материю — она передаёт разницу, структуру, модель. Именно поэтому шум — беспорядочная изменчивость — не является информацией, пока в нём не возникнут устойчивые различия, распознаваемые формы.

Всякая информация оформляет — и в этом заключается её сила. Она превращает непрерывность мира в

различимые единицы, которые можно сравнивать, кодировать, сохранять. Она создаёт карту на месте территории, знак на месте вещи, имя на месте опыта. Это формообразование не нейтрально — оно не просто описывает, оно выбирает, оно структурирует реальность под углом определённой системы. Когда говорится, что нечто несёт информацию, имеется в виду, что оно уже прошло через фильтр различения, что оно уже структурировано — и потому уже ограничено. Именно поэтому всякая информация — это всегда часть, никогда не целое. Это форма, изъятая из потока.

Форма в информации — это то, что делает её передаваемой, но также и то, что делает её уязвимой. Потому что всякое оформление — это и редукция. Чтобы нечто стало информацией, оно должно утратить часть своей сложности, стать представимым в другом месте, другим образом. Отсюда и парадокс: чем больше информации, тем меньше самого объекта. Информация сохраняет форму, но теряет плотность. Она извлекает структуру, но оставляет за собой тело.

Это понимание можно использовать философски, технически, культурно. Например, при анализе текста, опыта, искусства можно исследовать, какие формы были заданы, что было оформлено, что исключено из формы. Информация никогда не просто есть — она всегда о чём-то, в рамках чего-то. Это делает её инструментом, но и рамкой. При создании технических систем, искусственного интеллекта, нейросетей, понимание информации как формообразования позволяет сосредоточиться не на содержании данных, а на

архитектуре различий, на динамике структур.

В этическом и политическом контексте понимание информации как формы позволяет задать вопрос: кто оформляет? Кому принадлежит право структурировать хаос? Какая форма становится нормой, а какая — девиацией? Информация — это власть оформлять. А значит, за всякой формой стоит не только структура, но и выбор.

Слово форма — одно из тех понятий, которые кажутся знакомыми до прозрачности, но чем внимательнее к нему присматриваться, тем глубже и многослойнее оно оказывается. В своём современном значении оно охватывает многое: от геометрического очертания до философской сущности, от грамматической категории до социальной структуры. Однако за этим многообразием скрывается древняя и живая основа, связанная с самой идеей различения, отделения, воплощения, фиксации. Чтобы понять, какое значение форма может иметь для исследования знания, информации, сознания и их границ, необходимо распутать нить от её самых истоков.

Латинское *forma*, откуда происходит современное слово, изначально означало очертание, внешний вид, контур, шаблон, видимое устройство чего-либо. Оно было противопоставлено *materia* — материи, неоформленной субстанции. Но корень *form-* уходит глубже — к предполагаемому протоиндоевропейскому корню *dher-* или *bher-*, который означал «нести», «вносить»,

«формировать», «производить», «создавать». Это родственный корень с такими словами, как *to bear* (англ.), беречь, образ, оберег, и даже форма через древнее *formatio* — акт придания формы, сотворения.

Этимологически форма — это не просто то, что есть, а то, что создано, вынесено наружу, сделано видимым. Это акт различения, в котором бесформенное, хаотичное, текучее получает границу, становится определенным. В греческой философии это различие особенно чётко выражено через понятия *μορφή* (*morphē*) и *εἶδος* (*eidos*), оба из которых можно перевести как «форма», но с разной направленностью. *Eidos* — это форма как идея, как архетип, как умопостигаемая сущность, тогда как *morphē* — форма как видимость, проявление, физическое очертание. Именно Платон впервые подчинил феномен знания идее формы, утверждая, что подлинное знание — это воспоминание о вечных формах (эйдосах), тогда как ощущения лишь касаются их теней.

Для нашего исследования это имеет первостепенное значение. Форма, как этимологическая и философская категория, указывает на то, что знание, информация, восприятие не могут быть поняты вне процесса формообразования. Знание не существует без формы — оно оформляется в понятие, в категорию, в образ, в знак. Информация — это не просто содержимое, это содержимое во форме. Без формы нет различия, без различия нет передачи, без передачи — нет знания.

Вопрос не в том, существует ли форма, а в том, как она

возникает. Если следовать древнему значению — форма возникает через отделение. Она есть там, где из неделимого появляется расчленённое, где непрерывное становится членимым, где хаос теряет абсолютную свободу, чтобы обрести предел. И здесь снова появляется парадокс: форма делает возможным различие, а значит — мышление, но вместе с тем форма ограничивает, обрезает, исключает. Всякое знание, возникающее как форма, уже не есть весь мир, а лишь его вырез. Поэтому в каждый акт знания вписан выбор: что считать сущностью, а что фоном; что определить, а что оставить неопределённым.

Форма — это и инструмент, и граница. Она позволяет говорить, видеть, мыслить — и при этом не позволяет сказать всё, увидеть всё, постичь всё сразу. Потому знание, оформленное — всегда знание о чём-то и в чём-то, но не обо всём сразу. Понимание формы как принципа различения, как события ограничения, как акта выделения из беспредельного — возвращает нас к тому, что всякое знание есть отбор, а всякая информация — редукция.

Следовательно, исследование природы знания не может происходить без исследования природы формы. Изучать, как знание оформляется, значит — изучать, как реальность расчерчивается на различия, как бесконечное становится выразимым, как внутреннее превращается во внешнее. И в этой перспективе вопрос уже звучит иначе: не что мы знаем, а какие формы мы допускаем, чтобы знание стало возможным.

Форма не существует вне границы. Это её необходимое условие — отделить одно от другого, создать различие, зафиксировать очертание. Без границы — ни вида, ни структуры, ни образа. Но если следовать за мыслью дальше, возникает острое напряжение: границы не даны самим миром, они возникают в сознании. Они — не столько в природе, сколько в способе её восприятия. И когда на горизонте появляется квантовая физика с её фундаментальными парадоксами, привычная вера в прочность формы начинает рассыпаться, а вместе с ней — и представление о знании как отражении чего-то оформленного, устойчивого, отделённого.

Принцип неопределённости Гейзенберга утверждает, что невозможно с произвольной точностью знать одновременно координату и импульс частицы. Это не ограничение прибора, не недостаток наблюдения — это свойство самой природы на микроуровне. Каждое измерение, вводя точность в одну характеристику, расплывает другую. То, что кажется определённой формой, существует лишь в момент наблюдения, причём с жёсткими ограничениями. До этого — лишь вероятность, распределение, поле возможностей.

Волновая природа частиц показывает, что элементарные объекты — не точки с жёсткими границами, а возбуждения в поле, распространяющиеся в пространстве, подчиняющиеся законам интерференции, дифракции, суперпозиции. Частица может быть в нескольких местах одновременно, если не вмешиваться с измерением. И только акт наблюдения «схлопывает» эту возможность до формы. Получается, что сама форма

— след вмешательства, след попытки зафиксировать текущее.

Туннельный эффект — явление, при котором частица преодолевает потенциальный барьер, несмотря на то, что её энергия недостаточна для этого по классическим представлениям. Это возможно потому, что её волновая функция не обрывается на границе, а продолжается сквозь неё. И снова исчезает чёткая граница между «внутри» и «вне», «можно» и «нельзя», «есть» и «нет». Пространственные и энергетические рубежи теряют статус абсолютных.

Все эти явления указывают на то, что природа — в своей глубинной основе — не оформлена. Форма, как то, что даёт определённость, не существует в первичной реальности. Она появляется только тогда, когда сознание — наблюдатель, измеритель, субъект — вводит различие, производит отсечение. Форма — продукт взаимодействия разума и мира, а не часть самого мира до вмешательства. Она не объективна в строгом смысле, а является пересечением потенциала материи и структуры восприятия.

Из этого следует, что форма не есть знание о вещах, а знание о способах их представления. Она — не открытие, а конструирование, не отражение, а метод. В этом смысле форма — ближе к иллюзии, чем к истине, если под истиной понимать нечто независимое от наблюдателя. Но эта иллюзия — необходимая. Без неё невозможно действовать, различать, мыслить. Иллюзия

формы — это условие, в котором знание вообще возможно как ориентация, как взаимодействие, как опыт.

И потому знание — не знание о том, что есть форма, а знание о том, как она создаётся. Понимание того, что граница — не в мире, а в нас, не разрушает знание, но перестраивает его. Мы не обладаем формой, но участвуем в её возникновении. Мы не открываем истину, а оформляем доступное. И всякий раз, когда граница становится слишком жёсткой, реальность снова прорывается сквозь неё — как частица сквозь барьер, как волна сквозь прорезь, как мысль сквозь привычку.

Знание в этом свете — не завершённая форма, но форма, осознающая собственную незавершённость. Не граница, а движение вдоль неё. Не истина, но игра света на поверхности того, что не имеет устойчивых очертаний.

Если перенести взгляд с традиционного понятия знания как накопления истинных утверждений о внешнем мире на топологическое мышление, то становится очевидным, что сама топология — это не столько знание о чём-то, сколько форма размышления через и внутри предельных возможностей сознания. Топология занимается тем, что не столько фиксирует, сколько наблюдает устойчивое при изменении — исследует, как сохраняются структуры в процессе деформации, сжатия, растяжения, изгибов, склеивания и разрывов. Она работает не с материальной определённой, а с непрерывностью, связностью, границами, поверхностями, обобщёнными до уровня,

где исчезает сама привычная геометрия.

В этом смысле топология оказывается не описанием мира, но способом восприятия формы как неустойчивой, а границы — как зоны напряжения, а не барьера. Пространства в топологии — это не трёхмерные клетки, наполненные телами, а многомерные множества, чья форма определяется скорее отношениями между частями, чем абсолютным положением в координатах. Уже в этом видно: топология — это не только раздел математики, но и модель мышления, в котором вопрос о том, что такое пространство, где пролегают границы и как возможна их трансформация, становится главным.

И действительно, топология всё чаще рассматривается не просто как математический язык, а как эпистемологический инструмент — средство понимания не объекта, а процесса узнавания, средства картографирования не реальности, а пределов воображения. Пространства, с которыми она работает — многообразия, связные компоненты, гиперповерхности, сферы в четырёх и более измерениях — невозможно вообразить в визуальных терминах, но они становятся операбельными внутри структур мышления, которое умеет оперировать абстракциями вне наглядного опыта.

Это указывает на парадокс: топология не является знанием о мире вне сознания, но знанием о том, как сознание структурирует возможные формы, как оно различает, связывает, исчерпывает. Пространства топологии — неотрывны от структур человеческой

мысли. Даже понятие размерности — базовое для этой дисциплины — не есть что-то существующее независимо, но мера степени свободы, степень возможности различения направлений в мышлении. Чем выше размерность, тем больше параметров различения. Это уже не мир «там», а возможности различения «здесь».

Если дальше следовать этой логике, то границы, поверхности, переходы, которые исследует топология, можно понимать как символы сознательного восприятия различия. Поверхность — это не материальный слой, а место соприкосновения, точка, где начинается различие между внутренним и внешним. Граница — не физическая черта, а событие различения. То, что топология делает с пространствами, философия может делать с мышлением: она отслеживает, где возникает разрыв, где сохраняется связность, где одно переходит в другое, оставаясь тем же.

Иными словами, топология в контексте знания — это не знание как результат, а знание как движение, как карта возможных трансформаций форм мышления. Она не столько объясняет, что есть, сколько показывает, как может быть воспринято, в каких отношениях, при каких деформациях структура остаётся узнаваемой. Это знание не от мира, а через сознание — форма самонаблюдения мышления, обратившегося к собственным границам.

А потому, когда топология описывает невозможные для визуализации структуры — четырёхмерную гиперсферу,

пространство Мёбиуса, поверхность Клейна — она не столько открывает что-то в физической реальности, сколько настраивает мышление на восприятие новых форм различия, учит держать в уме невозможное, расширяет саму способность мыслить. Не даёт знание, но создаёт возможность для него.

И в этом смысле — да, топология может быть понята не как знание о внешнем, а как исследование внутреннего способа различения. Она становится формой философии, действующей в языке математики, но работающей с тканью сознания.

Если представить, что знание можно расщепить до мельчайшей, неделимой единицы — до кванта знания, — то возникает необходимость определить, чем является этот элемент в своей сущности. Это не просто фрагмент информации, не просто «факт», не «сигнал», а то, что представляет собой наименьшую возможную разницу, ещё способную быть узнанной, воспринятой, осмысленной. Он не является частицей в физическом смысле, но он и не мысль — он глубже, примитивнее, более первичен. Он — единица различия, последнее событие различимости, минимальная граница, на которой ещё возможно отделить одно от другого, но уже нельзя ничего дальше расчленивать без потери самого акта узнавания.

Квант знания — это точка, в которой возможность различить и возможность соединить встречаются в равновесии. Ни меньше — и распадается сам смысл, ни

больше — и возникает уже сложная структура, вторичная по отношению к первичному.

Это не объект, но переход, оттенок, элемент различия, который даёт начало знанию, но сам знанием в классическом смысле не является. Это как единичное переключение между «да» и «нет» в логике, как бит, но только не механический, а онтологический: он не передаёт, а порождает знание, сам будучи граничным явлением между возможностью и невозможностью узнавания.

Если говорить о нём образно, то он — граница между ничем и чем-то. Не в смысле пустоты и содержания, а в смысле — полного отсутствия различия и появления первого различимого. Это не факт, не мысль, не представление — это мгновение, когда различие стало возможным, когда «одинаковое» стало не совсем одинаковым.

Но кем или чем он становится по ту сторону, за пределом знания, за гранью, где знание принципиально невозможно? Там, где даже потенциал различения исчезает, там, где не только нет наблюдения, но нет никакой структуры, в которую различие могло бы быть вписано. В этом предельном случае квант знания перестаёт быть различимым и тем самым — перестаёт быть. Он превращается в ноль различия, в неразличимое, в абсолютное совпадение, которое не может быть названо, потому что в нём нечего различать, нечему являться.

Тогда по ту сторону квант знания — это чистая неоформленность, до-знание, потенциальное ещё не различённое, не как тьма, скрывающая свет, а как отсутствие самой возможности света и тьмы. Он становится границей между бытием и ничто, тем, что можно сравнить с горизонтом в космологии — не местом, а пределом возможного узнавания.

Это похоже на точку, где волна свёрнута в себя, не проявляется, не разложена. Как если бы сознание, приблизившись к самому краю различения, обнаруживало, что следующий шаг — не новое знание, а распад самого акта различения. В этом смысле квант знания — не кирпич, из которого строится знание, а предел различимости, аксиома узнавания, невыразимая, но действующая граница.

И потому за этой границей он — ничто для мысли, но, быть может, всё для самого существования знания. Он — условие возможности, но не часть результата. Он — не знание, а его преддверие, не мысль, а её тень.

Если рассматривать совокупность знания в масштабах всей Вселенной, вопрос постепенно уходит от частного и психологического к космологическому, физическому и, наконец, метафизическому. Знание при таком приближении перестаёт быть актом отдельного субъекта, оно становится способом существования различия внутри самой ткани бытия. Совокупность

знания уже не мыслится как накопление утверждений или данных, но как предельная форма различимости, доступная в пределах Вселенной. Если обратиться к современным физическим представлениям, становится ясно, что совокупное знание не может быть бесконечным. В контексте квантовой теории информации, голографического принципа и общей теории относительности существует строгое ограничение на количество информации, которое может быть заключено в любом конечном объёме пространства. Предел здесь определяется не объёмом, а поверхностью, как это показано в голографических соотношениях, выведенных из термодинамики чёрных дыр. Максимальная насыщенность области пространства информацией прямо пропорциональна площади её границы. Это означает, что существует предельное количество различий, которое может быть в принципе зафиксировано внутри Вселенной, и эта мера не может быть превышена.

С этим предельным состоянием тесно связано понятие энтропии, выступающее как мера неопределённости, как количество микросостояний, соответствующих одному и тому же макросостоянию. Энтропия, таким образом, всегда противоположна различию. Всякий акт знания — это фиксация различия, тогда как энтропия стремится стереть разницу между состояниями, уравнивать их, сделать неотличимыми. Чем выше энтропия, тем меньше потенциальная структура, тем труднее различить, где одно, а где другое. И всё же, несмотря на это, закон сохранения информации утверждает, что информация в фундаментальном смысле не исчезает — она лишь

становится недоступной или растворённой в корреляциях. Знание может утратить актуальность, может исчезнуть с поверхности, но оно не стирается из самой структуры мира. Оно остаётся в распределении квантовых состояний, даже если его нельзя восстановить эмпирически.

Ещё более глубокое измерение этот вопрос приобретает в свете концепции этернализма, согласно которой Вселенная есть четырёхмерный блок времени и пространства, где прошлое, настоящее и будущее сосуществуют как разные участки единого континуума. В этой модели времени не существует в привычном нам виде, как течение или изменение, а существует как разложенность всего возможного во множестве уже существующих состояний. Это означает, что знание не развивается, не накапливается, не возникает — оно просто присутствует в своей полной форме, но в разных участках пространства-времени. Оно не появляется, а разворачивается. Оно не создаётся, а читается, как книга, страницы которой не пишутся по мере прочтения, а уже находятся в готовом порядке, известном целиком, но доступном только постранично. В этой структуре сознание — это не центр генерации знания, а подвижная точка доступа к уже зафиксированной совокупности различий. Память, открытие, догадка, эксперимент — это не акты сотворения нового, а движения по уже существующим слоям смысла, расслоённым в структуре Вселенной. Следовательно, совокупное знание не есть путь, а карта, не прогресс, а форма, где всё возможное уже зафиксировано, а доступ к нему зависит не от времени, а от положения в этом блоке.

Из этого следует, что всё знание, которое может быть — уже есть, просто не полностью раскрыто наблюдающему. Оно ограничено не только технически или практическими средствами наблюдения, но и тем, что само пространство-время допускает лишь конечное число различий. Эта ограниченность проявляется через поверхность горизонтов событий, через энергию, через структуру полей. И потому знание не может быть бесконечным — оно не растёт вширь, но сгущается в плотных структурах, отражающих внутреннюю симметрию мира. Энтропия лишь размывает проявленное, но не уничтожает закодированное. Закон сохранения информации не позволяет знанию исчезнуть — оно может только перейти в форму, при которой доступ к нему становится невозможным.

Знание в масштабах Вселенной — это не процесс накопления, а форма развёртывания уже существующего. В пределе оно представляет собой максимально насыщенное различие, после которого не может быть больше ни одного дополнительного состояния, не слившегося с другим. Совокупность знания есть структура всех допустимых различий, разложенных в блоке пространства и времени. Всё, что не различимо в нём — не может быть предметом знания. А всё, что различимо — уже является его частью, независимо от того, осознаётся ли оно кем-то или нет. И если где-то пролегает граница, за которой различие невозможно ни в каком виде, ни для одного наблюдателя, ни при каком условии — то это и есть предел, за которым знание не просто утрачено, но абсолютно невозможно. Не потому, что мы до него не

добрались, а потому, что само пространство различий там прекращается, и вместе с ним — исчезает условие всякого знания.

Слово «знание», будучи обыденным и кажущимся интуитивно понятным, при внимательном рассмотрении оказывается настолько перегруженным, расплывчатым и философски неустойчивым, что теряет определённую, на которую, казалось, можно было бы опереться. Оно не имеет строгих границ, не сводится к обоснованному убеждению, не удерживается в рамках истины, не ограничивается опытом, не подчиняется логике как формальной процедуре. При этом знание не поддаётся ни полному утверждению, ни окончательному опровержению, потому что не существует критерия, по которому его можно было бы окончательно зафиксировать. Оно ускользает от формулы и становится чем-то вроде условной рамки, которую каждый раз приходится переопределять заново — в зависимости от контекста, задачи, формы мышления, исторической эпохи или способа говорящего.

Если так, то знание — не универсальное понятие, а лишь риторическая оболочка, удобная для обозначения множества разнородных актов различения, фиксации, интерпретации, применения, которые не имеют общего ядра, а лишь внешне сближены. И потому использование термина «знание» во всех случаях, где требуется точность, лишь затемняет смысл происходящего. Вместо этого каждый отдельный случай требует иного обозначения — например, различения, осведомлённости, уверенности, структурности,

воспроизводимости, применимости, доступности, когнитивной согласованности, функциональной пригодности. То, что в одной области называется знанием, в другой может быть описано как временная модель, эвристика, алгоритм, реакция, память или даже просто допущение. Таким образом, речь идёт не о замене одного термина другим, а о полном отказе от стремления найти единую категорию для множества явлений, которые не сводятся друг к другу.

Парадоксально, но и незнание, как антипод знания, оказывается столь же проблематичным. Когда говорится «я не знаю», это не всегда означает отсутствие информации — чаще это форма признания границы, формы, нерешённости, потенциальности, неопределённости, сомнения, незавершённости. Незнание — это не пустота, а структура, где уже существует определённый контур, просто пока не заполненный содержанием. Но в этом смысле оно тоже не является чем-то абсолютно отделённым от знания. Напротив, оно формируется внутри структуры знания как осознание его недостаточности. Однако и здесь невозможно установить точную грань: где именно знание переходит в незнание? Где уверенность сменяется гипотезой, а уверенность — сомнением? Эта подвижность делает незнание столь же недоказуемым и непроверяемым, как и знание. Оно существует как функция, но не как объект.

Из всего этого вытекает, что концептуальная пара знание–незнание теряет свою продуктивность при попытке быть основой анализа, потому что обе её

стороны ускользают от окончательной фиксации. Это не значит, что в мире нет различий, структур, выводов или соотношений — напротив, всё это существует, но нуждается в ином языке, в котором не будет глобального и однозначного понятия знания, как будто данное навсегда. Такой язык должен опираться на точные и контекстуальные определения, где вместо вопроса «что мы знаем?» возникает вопрос: «что мы делаем, когда утверждаем различие?», «в каком режиме функционирует система, когда она различает, запоминает, предсказывает, применяет?».

Следовательно, термин «знание» целесообразно признать философски исчерпанным — не в смысле бесполезности, а в смысле невозможности использовать его как универсальную категорию без серьёзной опасности подмены мышления риторикой. Знание — не объект, не свойство, не результат, а сдвиг, структура, акт, форма связи. А потому вместо того, чтобы говорить о знании, необходимо каждый раз говорить о конкретном движении мысли, в котором осуществляется различение, возникает смысл, оформляется доступ, применяется результат. Отказ от универсального понятия знания — не отказ от понимания, а наоборот: попытка освободить мышление от искусственных рамок и вернуть его к живому, текучему и в то же время более точному языку различий.

Приглашаю вас ознакомиться с моей статьей "To know or not to know: Rethinking knowledge as participation rather

than possession" (Знать или не знать: Переосмысление знания как участия, а не обладания), опубликованной в *The Common Sense World*. В этой работе я предлагаю взглянуть на знание не как на фиксированное обладание фактами, а как на живое участие в процессе познания. Надеюсь, что вам будет интересно задуматься о границах знания, о роли сомнения и уверенности, а также о том, как мы можем переосмыслить сам подход к пониманию информации и различий в современном мире. Буду рад вашему вниманию к этой статье, где обсуждаются эти вопросы с философской и научной точек зрения.

БИБЛИОГРАФИЯ

Kriger, B. (2025). To know or not to know: Rethinking knowledge as participation rather than possession. *The Common Sense World*.

Barad, K. (2007). *Meeting the universe halfway: Quantum physics and the entanglement of matter and meaning*. Durham, NC: Duke University Press.

Bateson, G. (1972). *Steps to an ecology of mind: Collected essays in anthropology, psychiatry, evolution, and epistemology*. San Francisco, CA: Chandler Publishing Company.

Bohr, N. (1935). Can quantum-mechanical description of physical reality be considered complete? *Physical Review*, 48(8), 696–702.

Brown, J. R., & Harré, R. (Eds.). (1988). *Philosophical foundations of quantum field theory*. Oxford, UK: Clarendon Press.

Clark, A. (1997). *Being there: Putting brain, body, and world together again*. Cambridge, MA: MIT Press.

Daston, L., & Galison, P. (2007). *Objectivity*. New York, NY: Zone Books.

Descartes, R. (1998). *Discourse on method and meditations on first philosophy* (D. A. Cress, Trans.). Indianapolis, IN: Hackett Publishing Company. (Original work published 1637)

Derrida, J. (1978). *Writing and difference* (A. Bass, Trans.). Chicago, IL: University of Chicago Press. (Original work published 1967)

Dreyfus, H. L., & Dreyfus, S. E. (1986). *Mind over machine: The power of human intuition and expertise in the era of the computer*. New York, NY: Free Press.

Einstein, A., Podolsky, B., & Rosen, N. (1935). Can quantum-mechanical description of physical reality be considered complete? *Physical Review*, 47(10), 777–780.

Feyerabend, P. (1975). *Against method: Outline of an anarchistic theory of knowledge*. London, UK: New Left Books.

Foucault, M. (1972). *The archaeology of knowledge* (A. M. Sheridan Smith, Trans.). New York, NY: Pantheon Books. (Original work published 1969)

Foucault, M. (1980). *Power/knowledge: Selected interviews and other writings 1972–1977* (C. Gordon, Ed.). New York, NY: Pantheon

Books.

Galison, P. (1997). *Image and logic: A material culture of microphysics*. Chicago, IL: University of Chicago Press.

Gadamer, H.-G. (1989). *Truth and method* (2nd ed., J. Weinsheimer & D. G. Marshall, Trans.). New York, NY: Continuum. (Original work published 1960)

Giere, R. N. (2006). *Scientific perspectivism*. Chicago, IL: University of Chicago Press.

Gödel, K. (1931). Über formal unentscheidbare Sätze der Principia Mathematica und verwandter Systeme I. *Monatshefte für Mathematik und Physik*, 38, 173–198.

Goldstein, S. (2017). Bohmian mechanics. In E. N. Zalta (Ed.), *The Stanford encyclopedia of philosophy* (Summer 2017 edition).

Haraway, D. (1988). Situated knowledges: The science question in feminism and the privilege of partial perspective. *Feminist Studies*, 14(3), 575–599.

Hawking, S. W., & Ellis, G. F. R. (1973). *The large scale structure of space-time*. Cambridge, UK: Cambridge University Press.

Heidegger, M. (1962). *Being and time* (J. Macquarrie & E. Robinson, Trans.). New York, NY: Harper & Row. (Original work published 1927)

Heisenberg, W. (1958). *Physics and philosophy: The revolution in*

modern science. New York, NY: Harper & Row.

Hume, D. (1977). *An enquiry concerning human understanding* (3rd ed., L. A. Selby-Bigge & P. H. Nidditch, Eds.). Oxford, UK: Clarendon Press. (Original work published 1748)

James, W. (1907). *Pragmatism: A new name for some old ways of thinking*. New York, NY: Longmans, Green, and Co.

Kant, I. (1998). *Critique of pure reason* (P. Guyer & A. W. Wood, Trans.). Cambridge, UK: Cambridge University Press. (Original work published 1781)

Kuhn, T. S. (1962). *The structure of scientific revolutions*. Chicago, IL: University of Chicago Press.

Latour, B. (2005). *Reassembling the social: An introduction to actor-network-theory*. Oxford, UK: Oxford University Press.

Lorenz, K. (1977). *Behind the mirror: A search for a natural history of human knowledge* (R. Taylor, Trans.). New York, NY: Harcourt Brace Jovanovich.

Maturana, H. R., & Varela, F. J. (1987). *The tree of knowledge: The biological roots of human understanding*. Boston, MA: Shambhala.

Merleau-Ponty, M. (2012). *Phenomenology of perception* (D. A. Landes, Trans.). Abingdon, UK: Routledge. (Original work published 1945)

Niels Bohr Archive. (n.d.). *Collected works of Niels Bohr*.

Copenhagen, Denmark: Niels Bohr Institute.

Noë, A. (2004). *Action in perception*. Cambridge, MA: MIT Press.

Popper, K. R. (1959). *The logic of scientific discovery*. London, UK: Hutchinson.

Putnam, H. (1981). *Reason, truth, and history*. Cambridge, UK: Cambridge University Press.

Quine, W. V. O. (1969). *Epistemology naturalized*. In *Ontological relativity and other essays* (pp. 69–90). New York, NY: Columbia University Press.

Rovelli, C. (2018). *The order of time* (E. Segre & S. Carnell, Trans.). New York, NY: Riverhead Books.

Rovelli, C. (1996). *Relational quantum mechanics*. *International Journal of Theoretical Physics*, 35(8), 1637–1678.

Russell, B. (1912). *The problems of philosophy*. London, UK: Williams and Norgate.

Santos, B. de S. (2007). *Another knowledge is possible: Beyond northern epistemologies*. London, UK: Verso.

Schrödinger, E. (1944). *What is life? The physical aspect of the living cell*. Cambridge, UK: Cambridge University Press.

Shannon, C. E., & Weaver, W. (1949). *The mathematical theory of*

communication. Urbana, IL: University of Illinois Press.

Spinoza, B. (1994). *Ethics* (E. Curley, Trans.). London, UK: Penguin Books. (Original work published 1677)

Stengers, I. (2011). *Thinking with Whitehead: A free and wild creation of concepts* (M. Chase, Trans.). Cambridge, MA: Harvard University Press.

Thompson, E. (2007). *Mind in life: Biology, phenomenology, and the sciences of mind*. Cambridge, MA: Harvard University Press.

Varela, F. J., Thompson, E., & Rosch, E. (1991). *The embodied mind: Cognitive science and human experience*. Cambridge, MA: MIT Press.

Wigner, E. P. (1967). Remarks on the mind-body question. In *Symmetries and reflections: Scientific essays* (pp. 171–184). Bloomington, IN: Indiana University Press.

Whitehead, A. N. (1978). *Process and reality: An essay in cosmology* (D. R. Griffin & D. W. Sherburne, Eds.). New York, NY: Free Press. (Original work published 1929)

Wittgenstein, L. (1953). *Philosophical investigations* (G. E. M. Anscombe, Trans.). Oxford, UK: Blackwell.

Wittgenstein, L. (1969). *On certainty* (G. E. M. Anscombe & G. H. von Wright, Eds.; D. Paul & G. E. M. Anscombe, Trans.). Oxford, UK: Blackwell.

Zahavi, D. (2003). *Husserl's phenomenology*. Stanford, CA: Stanford

University Press.

Zalta, E. N. (Ed.). (2023). The Stanford encyclopedia of philosophy (Fall 2023 edition). Retrieved from

Zohar, D., & Marshall, I. (1994). *The quantum society: Mind, physics and a new social vision*. New York, NY: William Morrow.

Zurek, W. H. (2003). Decoherence, einselection, and the quantum origins of the classical. *Reviews of Modern Physics*, 75(3), 715–775.

Bohm, D. (1980). *Wholeness and the implicate order*. London, UK: Routledge.

Chalmers, D. J. (1996). *The conscious mind: In search of a fundamental theory*. Oxford, UK: Oxford University Press.

Deleuze, G., & Guattari, F. (1994). *What is philosophy?* (H. Tomlinson & G. Burchell, Trans.). New York, NY: Columbia University Press.

Kauffman, S. A. (1995). *At home in the universe: The search for laws of self-organization and complexity*. Oxford, UK: Oxford University Press.

Prigogine, I., & Stengers, I. (1984). *Order out of chaos: Man's new dialogue with nature*. New York, NY: Bantam Books.

Rosen, R. (1991). *Life itself: A comprehensive inquiry into the nature, origin, and fabrication of life*. New York, NY: Columbia University Press.